ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Владимир Куликов
(г. Тула)

ПАРЫГИНОЙ — 90!

Заслуженный архитектор России, кандидат архитектуры, член-корреспондент Академии архитектурного наследия, академик Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор ТулГУ, член Президиума Ассоциации по возрождению русской словесности и культуры при Союзе писателей России, член Союза писателей России.

22 мая тульская и российская творческая, особенно писательская среда и многочисленная армия читателей отмечают 90(!)-летие одного из известных, популярных писателей, старейшего члена Тульского регионального отделения Союза писателей России — Натальи Деомидовны Парыгиной — автора трех романов и многочисленных повестей, рассказов и очерков, пронизанных идеей нравственного и духовного воспитания подрастающего поколения.

Великая, неутомимая труженица она и после множества книг, вышедших в России (Тула, Москва, Кемерово) и за рубежом (Чехословакия), не чуралась местной и центральной прессы, печатая очерки в газетах и журналах о строителях новой жизни, о людях разных направлений деятельности и профессий: учителях, медиках, строителях, металлургах, энергетиках, химиках, геологах, лесорубах. Герои ее произведений — люди сегодняшней жизни со всеми ее коллизиями, заботами, устремлениями. И ее интересы всегда нацелены в современность.

С первых шагов в литературе ее отличает великая ответственность и гражданский долг писателя за воспитательное значение его произведений. Она призывает коллег по перу, художников слова неустанно помогать взрослым — родителям и педагогам — в труднейшем и серьезнейшем деле воспитания подростков. Роль художественной литературы в воспитании нравственности ею поднята на высокий пьедестал. Общение взрослых и ребенка в семье — главная тема и содержание ее произведений. Всюду и везде просматривается мысль: без крепкой семьи человек не может быть счастлив, семья — основа общества.

Родилась Н. А. Парыгина в Сибири, в пристанционном поселке Борзя Читинской

области и в семье сельских учителей 22 мая 1924 года. Раннее детство ее прошло в городке Сретенске, куда вскоре перебралась семья в поисках средств существования: в стране царила разруха и безработица, наступила пора НЭПа. Родители бились в поисках работы, но работы для учителя найти было невозможно, пришлось менять профессию. Отец, Деомид Гаврилович, после долгих поисков устроился конторщиком, затем, некоторое время спустя стал работать бухгалтером.

Мать, Ольга Казимировна, устроилась машинисткой и лишь много поздней ей представилась возможность преподавать в школе русский язык и литературу.

Работа родителей занимала почти все их время и девочка по большей части была на попечении дедушки, который, по сути, стал ее первой нянькой и во многом повлиял на ее воспитание.

Дед Наташи по матери — Казимир Станиславович Конопко — был в юности участником национально-освободительного движения в Варшаве. После подавления восстания в 1863 году он со многими участниками был отправлен по этапу в Сибирь. Ему было всего 16 лет. После длительного трехлетнего этапирования до Благовещенска двенадцать лет работы на рудниках, затем на правах «свободного поселенца» остался в Сибири, по сути, без права выезда на родину. Скончался глубоким стариком, до конца жизни старался посильно помогать семье.

В поисках лучшей доли родители неоднократно переезжали. За годы учебы Наташа сменила восемь школ. За неделю до начала Великой Отечественной войны получает аттестат об окончании средней школы. Затем готовится и поступает в 1942 году на заочное отделение Томского политехнического института и определяется преподавателем математики 5—7 классов в той же школе, которую окончила.

В 1943 году семья переезжает в Томск, где родители и она работают в трудовой колонии девочек: отец — бухгалтером, мать — преподавателем литературы, она — преподавателем математики и физики, продолжая учебу в институте.

В 1947 году она оканчивает институт по специальности инженера-механика и направляется на томский завод «Фрезер» на должность конструктора, а через год переходит в Томский горный техникум преподавать общетехнические дисциплины.

К этому времени относятся ее первые литературные опыты: ее пьеса о лесорубах отмечена премией на областном конкурсе.

В 1952 году Наталью Деомидовну переводят в Ленинск-Кузнецкий горный техникум (Кемеровская область) на должность заместителя директора. Ей всего 28 лет. Через год ее принимают в партию (должность обязывала).

Смена мест проживания и работы, а главное — впечатлений, пробуждают в ней желание запечатлеть яркие картины жизни, интересных людей, природу. Появляется неистребимое желание писать. Она пробует себя в этой ипостаси. И вот первая книга — «Записки педагога», вышедшая в Кемеровском книжном издательстве в 1954 году. А дальше, что ни год-два, то новая книга.

Тяга к писательству, к литературным кругам толкает ее на просьбу о переводе поближе к центру России. И Управление учебными заведениями Министерства угольной промышленности предлагает преподавательскую работу в Тульском горном техникуме. Так, Наталья Деомидовна вместе с матерью Ольгой Казимировной и младшей сестрой Тамарой (отец скончался в Ленинск-Кузнецком), попадает в город оружейников, где и разворачивается ее литературная деятельность в полную силу.

Совмещая работу в техникуме с писательством, она на основе материала, собранного еще в Кузбассе, пишет свою вторую книгу — повесть «Внук шахтера».

Тула не только приютила, но и дала возможность развернуться: она печатает очерки, рассказы и повести в газете «Коммунар», «Молодой коммунар», в альманахе «Литературная Тула», в коллективных сборниках. Затем выходит в московскую прессу, в газету «Сельская жизнь», печатается в «Трудрезервиздате».

В 1955 году в «Литературной Туле» выходит повесть «Первокурсники», через два года — очерк «Новотульский металлургический», еще через год — «Внук шахтера», в 1959-ом издается повесть «Дни весенние». Она становится востребованной читательской средой. На презентациях своих книг и в многочисленных поездках по предприятиям и учреждениям в городах и населенных пунктах области она общается на творческих встречах с читателями, с людьми, многие из которых становятся прототипами героев ее произведений.

Мечта о литературном образовании приводит ее в 1959 году в Москву, где она поступает на Высшие литературные курсы при институте им. Горького. Два года напряженной учебы, труда, общения вживую с писательской средой. Во время учебы пишет повесть «Неисправимые», которая печатается в Тульском книжном издательстве в 1960 году. Через год здесь же переиздана повесть «Что сердцу дорого», на следующий, 1962 год переиздается «Пока не поздно». Затем в Москве выходит сборник ее рассказов (издательство «Советская Россия», 1964). В этом же году в Туле — «Настя ищет славы». В следующем году — «Один неверный шаг» (Тула, 1965), затем — «Партизан из отряда «Шторм»» (в соавторстве с З. К. Гокжаевым, Тула, 1966), «Гордость» и «Сегодня в десять» (Тула, 1967), «Короткое счастье» (Тула, 1969). Переиздаются «Дни весенние» (Тула, 1969). В Москве выходят повести «Я вернусь» (позднее издается в Чехословакии) и «Неудачные каникулы» (1970). Затем увидели свет «Мы с братом», «Самостоятельная жизнь» и «Вторая судимость».

И все эти книги преимущественно о молодежи, о проблемах нравственного воспитания, становлении на общественно-полезный путь. Это было отмечено «Новым миром» в отзыве о книге «Записки педагога».

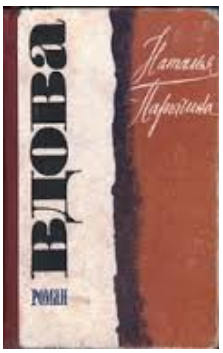
В 1972 году выходит в свет ее первый роман, над которым она работала около десяти лет, — «Вдова» (Приокское книжное издательство, Тула). Второй роман «Избран единогласно», над которым трудилась тринадцать лет, вышел в 1983 году. Теперь Парыгину заметили как романиста. Она набирает вес, переходит в иную, более высшую категорию. Роман «Вдова» востребован. Он переиздается в Москве «Профиздатом» в 1975 году тиражом 75 тысяч, а в 1985 году опять в Туле. Учеба на литературных курсах открыла перед ней новые горизонты, помогла отточить профессионализм писательского труда. Работоспособность ее неиссякаема и поражает окружающих: она не только пишет, но и участвует в читательских встречах, конференциях, принимает активное участие в работе писательской организации и одно время даже возглавляет ее в качестве ответственного секретаря.

Одна за одной продолжают выходить ее книги: повести, рассказы, очерки — «Личное счастье»(1976), «Судьба врача» (1983, М: Советский писатель), «Династия», «Родные места», «Крестьянка», «Вторник», «Вехи минувшего», «Признание», «Имени Стечкина» (все в 1983 году), «Свет души» (1992), переиздается «Судьба врача» (1993), «Подвиг хирурга» (1994), «Семья» (1997), «Азбука здоровья» (1998) и многие другие, как отдельными изданиями, так и в сборниках писателей.

В 1999 году выходит в свет ее очередной роман «Любой ценой» (Тула. Издательство «Пересвет», 1000 экз.).

С завидным постоянством, подтверждая свою работоспособность, которая не каждому свойственна в таком возрасте, она дает свои материалы в альманах «Иван-озеро», выпускаемый региональным отделением Союза писателей России, в другие издания, вызывая восхищение и глубочайшее преклонение, не изменяя своему главному направлению — нравственно-этическому воспитанию, сея зерна добра, справедливости, помня, что Слово писателя — важнейший инструмент воздействия.

Желаем Вам, дорогая Наталья Деомидовна, здоровья и долгих лет активной творческой жизни, творческих удач и неослабного внимания и любви читателей!



Изобразительный ряд подготовил Яков ШАФРАН

ИСПОЛНИЛОСЬ ПЯТЬ ЛЕТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА. ПЕРВЫМ, ПОЧЕТНЫМ ЛАУРЕАТОМ СТАЛА СТАРЕЙШАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА РОССИИ НАТАЛИЯ ДИОМИДОВНА ПАРЫГИНА — ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПЕРВЫХ ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2008-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Геннадий Николаевич Маркин — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Встреча», «Не стать хуже» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную общественно-литературную деятельность. Живет в г. Щекино Тульской области.

Александр Игнатьевич Ореховский — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихотворений «В орбите гармонии» («ПЗ», № 1, 2008) и за активную жизненную позицию, воплощаемую в его поэзии. Живет в г. Краснообске Новосибирской области. Профессор, зав. кафедрой философии и политологии.

Николай Ильич Боев — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование (книгу) «Плач по Высоцкому» («ПЗ», №№ 3, 4, 2008) и литературное подвижничество. Живет в г. Узловой Тульской области. Член Союза писателей России.

Евгений Григорьевич Воропаев — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тульский оружейный завод в эвакуации» («ПЗ», № 3, 2008) и за активную журналистско-публицистическую деятельность. Живет в г. Туле. Член Союза журналистов России.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2009-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Николай Александрович Смирнов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за цикл рассказов «Варакша» («ПЗ», № 1, 2009). Член Союза писателей России. Живет в г. Новомосковске Тульской области. Руководитель крестьянского земледельческого хозяйства.

Галина Николаевна Дубинина (п. Шексна Вологодской области) — в жанре поэзии. Удостоена звания лауреата за цикл стихотворений «...Быть поэтом» («ПЗ», № 4, 2009). Член Союза российских писателей, редсовета альманаха «Московский Парнас» и Академии российской литературы, лауреат литературных премий. Работает помощником ректора Литературного института им. А. М. Горького

Борис Аркадьевич Кобринский — в жанре литературоведения и литературной критики. Удостоен звания лауреата за литературоведческое исследование «Поэтические образы и революции: призывы и пророчества» («ПЗ», № 3, 2009). Живет в г. Москве. Доктор медицинских наук, профессор, академик РАЕН и МАИ, работает в Московском институте педиатрии и детской хирурги.

Игорь Викторович Карлов (г. Улан-Батор, Монголия) — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за очерк «Тихий ток наших чистых рек» («ПЗ», № 4, 2009). Преподаватель русского языка и литературы в высшей и средней школе.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2010-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

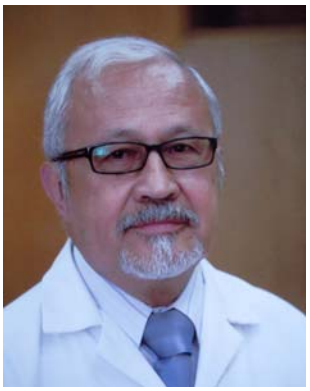
Илья Игоревич Луданов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы «Путь» («ПЗ» № 1, 2010) и «Ясный день» («ПЗ» № 4, 2010). Журналист на телевидении, заочно учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Живет в городе Узловой.

Евгений Иванович Елисеев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за повесть-поэму «Музыкант» («ПЗ» № 3, 2010). Ландшафтный лесовод, экономист и преподаватель. Служил на Северном флоте, на крейсере «Железняков». Живет в городе Новомосковске.

Николай Алексеевич Макаров — в жанре публицистики, включая историко-политическую. Удостоен звания лауреата за цикл публикаций в «ПЗ» №№ 1—4, 2010. Гвардии майор медицинской службы в отставке. Писатель, краевед, военный историк. Живет в городе Туле.

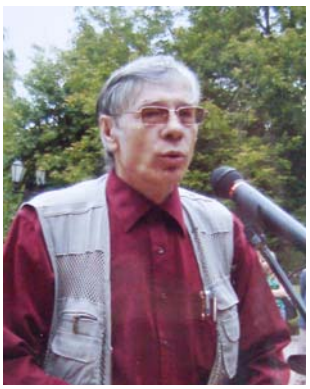
Наум Эфроимович Ципис — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за очерки-эссе «Сны на русском языке» («ПЗ» № 1, 2010) и «Прогулки с Мадонной», «Возвращение Мадонны» («ПЗ» № 3, 2010). Учитель, журналист, писатель. Жил и работал на Украине, в России и Белоруссии. Сейчас живет в городе Бремене, Германия.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2011-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»



Рудольф Георгиевич Артамонов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за «Повесть о русской Сольвейг» («ПЗ» №№ 1—3, 2011). Доктор медицинских наук, профессор, известный врач-педиатр. Живет и работает в Москве.

Владимир Георгиевич Бояринов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России. Живет и работает в Москве.



Валентин Викторович Киреев — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» № 1, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем, руководитель литературных объединений гг. Новомосковска и Богородицка Тульской области, Почетный гражданин города Богородицка. Живет и работает в Новомосковске.

Наталья Валентиновна Квасникова — в жанре публицистики. Удостоена звания лауреата за очерк «Вниз по лестнице, ведущей вверх» («ПЗ» № 4, 2011). Член Союза писателей России, работает преподавателем. Живет и работает в Москве.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2012-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Марина Ильинична Майорова (мать Иоанна) — в жанре прозы. Удостоена звания лауреата за повесть «Джулиана. Попытка взлета» («ПЗ» № 3, 2012). Музыкальный работник. После принятия иноческого чина живет и работает в селе Пятница Владимирской области.

Игорь Владимирович Лукьянов — в жанре поэзии за поэму «Задонщина» (поэтическое переложение) («ПЗ» № 2, 2012). Сотрудник редакции газеты «Борисоглебские вести». Живет и работает в г. Борисоглебске Воронежской области.

Сергей Александрович Лебедев — в жанре поэзии за сборник стихотворений «Течет Ветлуга в памяти» (Тольятти, 2012), изданный в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Главный специалист производственного отдела ОАО «КуйбышевАзот». Живет и работает в г. Тольятти Самарской области.

Валерий Яковлевич Маслов — в жанре публицистики за очерки в «ПЗ» №№ 1—4, 2012. Член Союза писателей СССР и России, член Союза журналистов СССР и России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Тульского отделения Литфонда России. Живет и работает в г. Туле.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 2013-ГО ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Яков Наумович Шафран — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикации — рассказы и повесть — 2013-го года по их совокупности («ПЗ» №№ 1—4, 2013). Главный редактор литературно-музыкального альманаха «Ковчег» (Библиотека журнала «Приокские зори»). Живет и работает в Туле.

Олег Викторович Пантюхин — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за цикл стихов «Personalia» («ПЗ» №4, 2013) и сборник избранных стихотворений, вышедший в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Живет в Щекино, работает в Тульском государственном университете.

Игорь Григорьевич Герасимов — в жанре литературоведения. Удостоен звания лауреата за первый в мировом литературоведении стихотворный перевод (не переложение!) «Слова о полку Игореве» («ПЗ» №3, 2013). Доктор биологических наук, кандидат химических наук, профессор, научный работник. Живет и работает в Донецке на Украине.

Владимир Вадимович Резцов — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за документально-историческую повесть «Юра, Сережа и бессмертие» («ПЗ» № 2, 2013) — К 70-летию подвига молодогвардейцев: о Сергее Тюленине и его друге Юрии Виценовском — дяде В. В. Резцова. Живет и работает в Калининграде.

Александр Иванович Субетто — в жанре публицистики. Удостоен звания лауреата за философский очерк «Ноосферно-социалистическая миссия XXI века» («ПЗ» № 3, 2013). Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, полковник Космических войск в отставке, строил военный космодром в Плесецке. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Яков Шафран
(г. Тула)

О КНИГАХ ИРИНЫ КЕДРОВОЙ И НАТАЛЬИ КВАСНИКОВОЙ

Член Союза писателей и переводчиков МГО СПР, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова

«НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК...»

(*Ирина Кедрова. Романы «Войной украденная юность»* и «Девять жизней»)***

♦Во время величайшего как отдельного человека, так и всеобщего народного воодушевления, на краткий, но вмещающий в себя, может быть, все, миг душу озаряет некий неземной свет, поднимающий ее, не отрывая — что важно! — от земли, над всем происходящим, наполняет верой в реальное Божественное присутствие и собственное бессмертие, в невозможность, немыслимость какого-либо повреждения Общего и побуждает действовать, не взирая порой на смертельную опасность, вплоть до самопожертвования, до отдавания собственной жизни, вливая ее в океан будущей великой Общности — Человечества, где будут высокочтимы собственный народ, страна, малая родина и род, к которым своими корнями принадлежит душа человека, по сути, гражданка Вселенной. Ведь другого пути у нее нет,— как принадлежать, жертвовать, любить и созидать.

♦Передо мной две книги известной писательницы Ирины Кедровой: «Войной украденная юность» и «Девять жизней». Вначале хотелось написать о каждой из них отдельно, но когда прочел, понял: несмотря на разные и по эпохе, и по затрагиваемым темам планы повествования, их объединяет глубочайшая связь времен, поколений и судеб.

Известно, что в *иные* минуты перед человеком проходит вся его жизнь. Это как кинолента: у кого-то от начала жизни к концу, у других — наоборот, но всегда с большим эмоциональным накалом, словно душа, осознавая происходящее, сама выносит вердикт: сожалея или радуясь содеянному ранее. Так и перед читателем этих двух романов будто бы разворачивается жизнь одного человека.

Автором найден удачный ход. Описывая в книге «Девять жизней» судьбы своих героев в различные времена русской истории, она предлагает читателю осознать это как жизнь одной души, когда ничего не возникает на пустом месте, когда из поколения в поколение передаются традиции веры, любви, воспитания, служения и подвига. Происходит ли это в силу популярной в Индии теории перерождений, или иным пу-

* Ирина Кедрова. Войной украденная юность. М.: Издательство «Авторская книга», 2013.— с. 272.

** Ирина Кедрова. Девять жизней. М.: Издательство «Авторская книга», 2012. — с. 208.

тем, не является предметом данной статьи. Важно то, что через ошибки и преодоление их, через трудности и обстоятельства идет возрастание душ человеческих, воспитание их и самовоспитание.

В жизни все настолько взаимосвязано, что мы до конца никогда этого, может быть, и не поймем, не осознаем. Судьба каждого зависит и от того, как прожили свои жизни многие люди, совершенно ему неизвестные, и которым он неведом. Это словно в природе — в геофизических, климатических и иных процессах, происходящих на планете.

Роман «Войной украденная юность», рассказывающий о Нине Красновой, простой девушке, еще только начинающей жить, но волею судьбы брошенной, как и миллионы людей, на съедение войне, осознается как логичное продолжение «Девяти жизней». Это несомненно.

Однако хочется сказать и о другом. При всей глубинной прорисованности образа Нины и всей привлекательности образов княжеской дочери Предславы, жены русского воина Ирины, Федора — тихого старца Иоакима, боярынь Настасьи и Натальи, воспитанницы Смольного Лизоньки Сердецкой, актриссы Любови Светицкой, маленькой девочки Таши и директора музея Инны Сергеевны из «Девяти жизней», за ними перед читателем незримо предстает главное действующее лицо этих книг — Автор.

Ирина Кедрова не просто рисует высокохудожественные полотна истории, быта и нравов от Киевской Руси до начала XX века и периода Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг., но она и бытописатель современной жизни, ее живого биения и того, как она зависела и зависит от прошлого, от поступков ***каждого*** человека на протяжении всей истории человечества. Автор одновременно и наш современник, глядящий на прошедшее из настоящего, и связующее звено между дальним и ближним прошлым, ибо все это живет в ее душе, которая вневре́менна, что, безусловно, признак высокого таланта и духовности.

♦ Все же рассказывать о двух книгах оновременно невозможно, поэтому начнем с романа «Войной украденная юность», держа рядом раскрытой и вторую книгу.

На первых страницах автор дает характеристику своей героине — отроку Нине Красновой: «Оторва последняя». Однако важно не это, а то, какой пример девочка держит перед своим взором, к чему она стремится. А Нина пишет В. Чкалову: «Я так хочу быть, как Вы!..» Она мечтает «пойти... за горы и моря. Все увидеть и узнать» (И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Но... началась война, оборвавшая все девичьи мечты и продиктовавшая *свой* ход ее жизни. Как же часто на протяжении всей русской истории война своей жестокой железной хваткой вмешивалась в судьбы людей. Так и юная Предслава потеряла своего Любомира, отправившегося защищать землю от печенегов; и многодетная мать Ирина осталась одна после гибели воеводы Петра в битве с татарами...

Первое же, с чем столкнулось еще неокрепшее сознание Нины, было неоднократное упоминание Бога в разговорах родителей. И. Кедрова не объясняет нам, почему такое — в годину опасности — происходило, но разве могло быть иначе, если из поколения в поколение, почти что тысячу лет предки Нины веровали, строили храмы, молились в них, обращались к Богу с мольбой о помощи. И о том говорят страницы «Девяти жизней». Вчитаемся в строки:

«Храм, словно храбрый воин, готовый сразиться за землю русскую»... «Тишина храма настраивает на всемирное спокойствие и личное раздумье... Благостная тишина творит успокоение в людских сердцах...» И иконы предстоят людям как окна в Божий мир и прошлое, которое проходило перед их ликами. Вот и Богоматерь словно говорит людям с иконы: «Люди, ... отдаю вам самое дорогое, что есть у меня. Не

будьте жестоки...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or). Но знает Она, люди расправятся с ее сыном. И мы знаем — этот же лик Богоматери взирал и на тех, кто рушил храмы уже в нашей истории.

А сколько молитвенников было в веках! «День за днем, год за годом молил он (старец Иоаким — *прим. авт*.) Господа о спасении русской земли». «Отпусти меня, Ярослав, в Предславинский монастырь... молиться за вас за всех» (Здесь и далее — И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Автор между строк как бы говорит нам: а как без веры, без Бога? Если на пути зла не встает добро, если зло в душе не вытесняется добром и не побеждает прощение и любовь, то ответное зло и грех рождают еще бóльшие, и так — до катастрофы, до крушения всей жизни и гибели души.

Но когда отечество в опасности, когда речь идет о существовании самого народа, одним прощением и любовью не победишь врага. И обращается к воинам прп. Сергий Радонежский: «Братья мои! Защитите землю от ворогов! Ждет вас кровопролитие ужасное, но и победа великая, погибнут многие герои за правую веру, но спасется Русь Великая! С вами идут на бой Пересвет и Ослабля, наши иноки...»

Вот и в мирную жизнь страны 22 июня 1941 года пришла страшная война. И что сработало: генетическая память, воспитание, традиции? Но из глубин души вырвалось у атеистов обращение к Богу!..

Москва в те дни вмиг преобразилась: «вечером на улице — никого, даже кошки исчезли», везде проверяют документы, эвакуация заводов, по вечерам на улицах темно, витрины магазинов заложены мешками, маскировка и светомаскировка, ежедневные ночные бомбежки. «Нечисть вылезла наружу... норовили вывезти из города продукты и денежную выручку, мародеры проникали в квартиры» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Таким стал еще недавно красивый жизнелюбивый город.

Но «немногие оказались способными на безнравственные действия».

Тема войны для России — одна из важнейших тем, и Ирина Кедрова, тысячами нитей связанная с родной землей, описывает те дни не как отдельно взятое явление, а во всей взаимосвязи времен и делает это мастерски.

«Фронт — огромная зияющая пасть пожирающего людские жизни чудовища, которое поглощало и поглощало, и никак не могло насытиться... Жены и матери тихо плакали, пряча слезы, непослушно вытекавшие из глаз...»

Вот и в «Девяти жизнях» читаем о разорении земли, о сожженных городах и храмах, о массовой гибели людей, о том, как оставшимся в живых «предстояла... страшная работа: передать земле тела защитников и погибших горожан...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Все войны на Руси почему-то начинались с поражений. Но народ знал и верил, что будет грядущая победоносная битва (и тогда, после Калки, она произошла на Куликовом поле). «...Что плакать? Надо силы собирать. Нужна народная воля, которая состоит из воли каждого жителя страны. Только так можно остановить пожирающее чудовище...» (И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

«Братья!— крикнул, собрав последние силы, плененный Владимир (князь — *прим. авт.*).— Лучше умереть перед Золотыми воротами за нашу Богородицу, за дело наше правое, нежели быть в их воле нечестивой!» (И. К. Девять жизней. Cit. Or).

И осенью 41-го — речь Сталина и слова: «Братья и сестры!..», «Москву не отдадим!»

Многих людей в годы войны воодушевили подвиги Зои Космодемьянской, летчика Гастело и других героев. «И когда стало очень тяжело, человек, никогда не державший в руках винтовки, плохо видел и слышал, ... возраст звал к отдыху от трудов, ... шел туда, где такие же люди желали Родину защищать».

И. Кедрова в своих книгах четко подметила тенденцию — от слабости и разъединенности, через работу по объединению сил и консолидацию русского духа: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!..», к победе, будь то победа на Куликовом поле, над поляками в 1612-м году, над Наполеоном или под Сталинградом и воспоследовавшие битвы вплоть до падения Берлина.

Но в то время, преодолевая повседневные тяготы и работая на Победу, никто об этом не размышлял. А работа по связи времен — залог успеха — шла, что позже проявилось и в строке гимна: «...Сплотила навеки великая Русь!».

Не могла быть в стороне и Нина Краснова, написавшая когда-то давно (а ведь совсем еще недавно!) В. Чкалову: «Хочу быть, как Вы!» Мать, трудившаяся в военном госпитале, одна не справлялась, и девочка, которой не было шестнадцати лет, пошла работать санитаркой. Затем решила идти в армию, и была направлена в один из районных батальонов ПВО Москвы, в санитарную роту. Практически еще ребенок с детскими представлениями о взводе, как многосемейном доме, роте, как улице, батальоне, как городском районе, и полке, как городе, она с подругами «по двенадцать часов сидели в холоде и темноте на крышах московских зданий, ... бегали по этажам, проверяя светомаскировку...» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or), щипцами подхватывали «зажигалку», упавшую на крышу, и сбрасывали вниз, где ее тушили другие бойцы роты. Однажды сильный удар взрывной волны чуть не сбросил ее с большой высоты, и она погибла бы, не оказавшись рядом бойца-пожарника.

На долю девушек приходились лесозаготовки — валили деревья, пилили, таскали бревна, на торфозаготовках работали, находясь по колено в холодной воде, с вокзала в госпиталь на носилках таскали раненных. Притом — тяжелые и жесткие шинели, большие и неудобные ботинки или сапоги, полуголодное питание, порой отсутствие самых необходимых бытовых условий. Но «все это — ерунда по сравнению с «критическими» днями женщины».

Однако, что характерно, «обо всем вышесказанном Нина и ее подруги не думали, они жили в данных им условиях и действовали, отзываясь на страстное желание защитить Родину, близких, себя, дожить до Победы и вступить в мирную жизнь...»

Да и могло ли быть иначе у Нины, если на протяжении тысячелетней истории из рода в род, из семьи в семью передавались традиции суровой жизни, жизни-борьбы за существование от отдельного человека до самой страны, самого народа. И это хорошо показано в образах Предславы, Ирины, Федора, Настасьи и других героев. Ирина Кедрова в книге «Девять жизней» так определяет свою позицию: «Жизнь добавляет и добавляет страданий: то войны, ... то подводная лодка... уходит на дно, ... то рушатся от злокозненных взрывов здания, то падают... самолеты. И хотя, на первый взгляд, тебя эти беды не касаются, это успокоение мнимое...», так как «все в жизни взаимосвязано, и ничего не проходит, нас не касаясь». «Боль и страдание за «други своя», которые не только люди, но и все, что нас окружает — путь к спасению души».

Это неравнодушие побуждает героев И. Кедровой и ее самою ощущать себя соавтором всего, происходящего вокруг. И что очень важно — оно передается через времена и эпохи, из семьи в семью, может быть, периодически ослабевая, но в итоге, в будущем, только усиливаясь.

Писательница, хоть и прозаик, проявляется как поэт, ярко и образно живописующий, как художник, точными и выразительными мазками рисующий. Вот, например, картина Москвы, когда опасность захвата ее ушла:

«Город, несмотря на тяготы военного времени, жил, сохраняя привычки прежних лет: люди ходили в кино, стояли в очередях за театральными билетами, покупали

книги... Как тот маленький росток, что вылез в неположенном месте, на стене дома, или пробился сквозь асфальт, и жить ему неудобно, однако жить надо, и росток тянется к солнцу. Так и люди...» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Однако люди были, есть и будут разные. Вот и Нина пережила предательство сослуживицы и донос по поводу записи в дневнике о плене своего брата Павла. «...У нас считают предателем того, кто побывал в плену. Говорят: испугался и сдался... Неправильно это!..» Ведь ее брат бежал и сражался в партизанском отряде. «Сколько людей оказалось в плену? Разве за это отказать людям в доверии?»

Предательство, в числе прочих отрицательных проявлений, также имеет свои глубокие корни в прошлом и традиционные связи. Не будем углубляться вплоть до Каина и Иуды Искариота, скажем лишь о Святополке.

Он — «племянник, сыном нареченный (князя Владимира — *прим. авт.*) — женился на дочери польского короля Болеслава, даже не спросив княжеского дозволения...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or). И когда великий князь Владимир умер, Святополк утвердился на киевском престоле. Убил брата. Чем не духовный отец Мазепе, Петлюре и иже с ними?

♦Увлекшись, безусловно, серьезными темами, мы на минуточку забыли, что наша героиня, Нина, совсем еще юная девушка, «входящая в пору любви». И вот знакомство — случайного ничего не бывает,— «и в дневнике появилась новая запись: «...Я теперь не одна! Он — замечательный! Сильный и ловкий! И умный! Я счастлива!» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or). Простим первой любви выплеск столь сильных эмоций, тем более что видеться им довелось недолго — Виктор отправился на фронт. И Нина, вовсе не зная о традиционной верности жен русских князей и воинов, а просто от нормального народного склада души своей, решила во что бы то ни стало ждать, оставаясь верной своему возлюбленному. (Можно порассуждать, возникает ли склад души из традиций или наоборот, но это, опять же, тема отдельного исследования). Однако нужно отметить, что быть преданной своему любимому в тех, военных, условиях было отнюдь не просто, ибо «девушки-бойцы оказывались в зависимости от военных начальников, которые не стеснялись...» Нина выдержала и это.

Но судьба отказалась быть милосердной к ней, «подарив» ей еще одно испытание — гибель Виктора. «Она почти не реагировала ни на тяжелый бытовой труд, автоматически выполняя поставленные задачи, ни на жестокие условия жизни, ни на радостные события, приближавшие окончание войны».

«Почти девять месяцев Нина вынашивала в себе, словно ребенка, потребность в жизни. (Как здорово сказано! — *прим. авт.*) Все эти месяцы ей помогали подруги, а также знакомые и незнакомые люди».

И вновь проведем параллель — «Отказалась Предслава от замужества. Любила она Любомира и другого в мужья не желала...» (И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Какой пример традиционной верности мужу, возлюбленному, даже после его смерти, пример многим современным «попрыгуньям», да и «попрыгунам» тоже.

И раз мы уже коснулись смерти,— а как ее не коснуться, говоря о войне? — вспомним, что Нина столкнулась с ней еще в самом начале войны, когда во время бомбежки в чистом поле на ее глазах погибла подружка. Потом, во время налета, в Москве погибла мать. Умер отец. «Сорок восемь ему было, а маме — сорок шесть. Оба еще могли жить, детей поднимать, добро творить, да война оборвала их жизни... Сколько еще людей унесла жестокосердная!» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Потому, чтобы быстрее закончилась война и меньше погибло, отправляли люди из тыла на фронт со своего скудного пайка посылки. Девушки-бойцы, кроме того, слали «неизвестным солдатам... мысленные пожелания уцелеть и вернуться домой невредимыми. Кто знает, вдруг эти мысли защитили солдат?» Что это, как не пример любви высшей, всеобщей, агапэ*?

К этой же области относится и любовь к Родине и народу. Ирина Кедрова в романе «Войной украденная юность» рассуждает: «Что такое Родина? Это твой дом, улица, город, край, страна. Это твоя земля, где жили твои родители и деды, и прадеды... Это твоя семья — жена, сын, дочь, брат, сестра, мать, отец... Ты сегодня должен отстоять свою землю и передать ее потомкам». И еще: «Разве можно справиться с народом, который способен бесшабашно веселиться, самозабвенно плясать, находить в самые тяжкие минуты время для смеха и развлечения? Никогда такого народа не победить!..»

♦В напряженном труде и лишениях прошли военные годы. Да и впервой ли это было на русской земле — страдать и отдавать все силы и здоровье, вплоть до самой жизни, за самое существование всего того, что составляет смысл человеческого бытия? Потому всегда современно звучат слова матушки Предславы, сказанные дочери во сне: «Не только для счастья живет человек, доченька. Терпи на земле. Здесь счастье обретешь, когда его достойна станешь»... (И. К. Девять жизней. Cit. Or)

Закончилась война. И о том положении, в котором оказались девушки-бойцы санитарной роты, лучше И. Кедровой не напишешь. «Полное освобождение от государственных работ... получили лишь спустя три года. Не имея ни жилья, ни бытовых предметов, не получив образования, не овладев профессией, многие из них, отдав еще три года подневольному общественному труду, в 25—27 лет начинали жизнь сначала. Они в большинстве своем ощущали себя старыми и никому не нужными. За ними шли молодые — образованные, красивые, свободные, не знавшие тягот обязательных работ и воинской службы. Наступило их время, и им не хотелось упускать свой жизненный шанс» (Здесь и далее — И. К. Войной украденная юность. Cit. Or).

Вот и приходилось нашим героиням, имея небольшой заработок, в свободное время трудиться уборщицами в подъездах и квартирах и растить детей.

«Нина и ее подруги справлялись с тяготами жизни, старели, обзаводились болезнями, провожали друзей в последний путь, однако навсегда сохранили боевой дух защитниц Родины. И хотя война украла у них молодые годы, они душой навсегда остались молодыми».

♦Книга «Девять жизней» начинается авторскими словами: «Я люблю рассматривать фотографии и картины, развешанные на стенах, перекладывать настольные предметы, глядеться в потемневшее зеркало, дышать воздухом старины. Мне кажется, что души живших здесь людей возвращаются и поддерживают нас...» (Здесь и далее — И. К. Девять жизней. Cit. Or).

Память о былых временах, сконцентрированная в музеях, книгах и лентах кинохроники, велика. Память отдельного человека,— семейная, родовая, — хранит порой

---

* Агáпэ (иногда также агáпе, агáпи; др.-греч. ἀγάπη) — одно из четырех древнегреческих слов (имелись также эрос, филия, сторге), переводимых на русский как «любовь»... Древние греки так называли мягкую, жертвенную, снисходящую к ближнему любовь. В позднейшем христианском представлении любовь-агапэ (лат. caritas) мыслится как обусловленная и опосредованная любовью к Богу: она возникает не в результате влечения к конкретному возлюбленному, вызванного его внешними и внутренними достоинствами, а как проявление любви к ближнему, присущей данному человеку в целом.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Агапэ

много невысказанного, ненаписанного, неовеществленного и, казалось бы, пропадает, уходит вместе с завершившим свой путь человеком.

Но наука и жизнь все более и более подтверждает наличие того, что в психологии называется коллективным бессознательным, где концентрируется опыт жизни многих поколений людей, всего народа, всех составляющих его национальностей и народностей, живущих на этой земле.

Каждый человек имеет свою судьбу, идет путем своей души и своего страдания. Но испытывает колоссальное воздействие на свою жизнь коллективного бессознательного, его архетипов, его смыслов. И это очень хорошо, по-своему, художественно емко и выразительно показывает Ирина Кедрова в своих книгах. Она говорит читателю о том, что жизнь, поощряя и наказывая, учит.

«Люди обязательно совершают ошибки и исправляют их. Иначе жизни не получится. Важно, какие совершают ошибки и как исправляют».

«Человек создает себя сам! Достиг вершины — идет к новой. Не достиг — топчется на месте. Захочет — найдет дальнейший путь. Если же не захочет — никто его не научит!»

Как верно сказано!

Герои книг И. Кедровой «Войной украденная юность» и «Девять жизней» и, безусловно, их главный герой — Автор — это пример того, как нужно относиться к жизни и жить, прежде всего, не внешними достижениями и событиями, а внутренним бытием души: «живи тайком, а ежели не умеешь, хоть помирай тайком», давать людям то, что сам не имел, не испытывал от других, вести себя и людей по пути совершенства, делая мир вокруг себя хоть немного лучше.

ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ

(Наталья квасникова. Повесть «Горизонт за карнизом)[*]

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластней
Земной любви и прелести земной.

Евгений Баратынский, «Она»[**]

♦ Течет река воспоминаний, плавно огибая или, наоборот, вспениваясь у встречающихся на пути островков. Таковыми могут быть разговоры о былом и фотографии с изображением дорогих тебе или знакомых людей. Воды этой реки — здесь, перед тобой, но еще час тому назад были далеко от тебя, а те, которые сейчас далеко, через некоторое время будут рядом, и все это — одна непрерывная река, река времени, и нет у нее ни прошлого, ни будущего, а все есть только настоящее. Это и есть главное свойство памяти — все, как бы давно ни происходило, воспринимается как происходящее в эту минуту. Потому-то самые сильные, оставляющие неизгладимые следы в подсознании и формирующие стереотипы поведения впечатления ранних лет жизни всегда рядом. И от того, позитивны ли они или негативны, зависит проявления самого человека, порой по обратной связи влияя и на тех, кто стал в той или иной степени причиной этих впечатлений, этих стереотипов.

---

* Наталья Квасникова. «Горизонт за карнизом»: повесть. «Приокские зори», №4, 2012 г., с. 86

** Баратынский Е. «Мой Элизий»: [стихотворения и поэмы] / Евгений Баратынский. — М.: Директ-Медиа: М.: ИД Комсомольская правда. 2012 — 238 с.: ил. — (серия «Великие поэты») — с. 95.

♦Повесть известной писательницы Натальи Квасниковой предваряется вступлением «От автора», которое заканчивается двумя, замечательными по своей глубине и силе воздействия, мыслями. Первая — все люди хорошие, только они об этом не знают, отсюда и грешат; и вторая — аналогия нашей страны с личностью, которая на протяжении всего своего детства, юности и молодости встречала много бед, горестей, страданий и обмана и потому привыкла с недоверием относиться к хорошим опытам и удачам, постоянно уходя в страдание, в трудности, чтобы их преодолевать. (Отсюда «А родом-то мы, <...> из многострадального города Ржева») (Н. К. Cit. Or).

Но ведь зло, недобрые деяния и уныние со страданием — это все болезни, духовные немочи, которые, как и всякая болезнь, должны лечиться. И лечатся! Чем же? — Вот об этом и рассказывает автор в своей повести. Обратимся к повествованию.

♦Старая больная женщина целыми днями обездвиженная лежит на кровати. Два года назад произошел трагический случай — перелом шейки бедра, что для пожилого человека как приговор: в этом возрасте употребление мяса приводит к вымыванию кальция из костей, к остеопорозу — хрупкости костей и их очень плохому срастанию при травме...

Лежит Нина Яновна, и никуда не деться от воспоминаний — вот они, как будто только сейчас произошли те события, так остро душу будоражат. Да и осознание себя во всей красе не отпускает. И не мудрено — целыми днями одна, и все то же самое вокруг!

А ведь привыкла она, как и подавляющее большинство людей старой закалки, чтобы голова была полна заботами да делами, привыкла быть сильной. Но у этой силы и активности есть и обратная сторона — не любят такие люди, когда о них заботятся и ухаживают, не принимают участие других. И обездвиженность эта в довесок рождает ворчливость, усиливает эгоизм и раздражительность, вырастающую порой до нетерпимости.

И есть еще одно качество, корнями уходящее в ту самую силищу преодолевать трудности и страдания и в укорененное неверие в успех, удачу, по крайней мере, длительную. Отсюда стремление управлять всем и вся, отсюда и «Руби по себе!». Вот и Нина Яновна думает: «Ну, дак не замахивались бы на художника, выбрали бы что попроще и хватило бы! Кто мы такие, чтобы на художника идти? <...> Шапка, говорю, по Сеньке должна быть» (Н. К. Cit. Or).

♦Сюжет повести интересен. Истории наших семей различны благодаря личностям, их составляющим и обилию обстоятельств, но по некоторым моментам повторяют одна другую. Как говорил классик: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»*. История семьи, о которой идет речь, взята из самой жизни. Прадеды, живущие в традициях и строгости. Трудная во множественных личных и общественных коллизиях жизнь многодетных дедушки и бабушки. И, как правило, одно- или самое большее двухдетная мать, к тому же в трети случаях в одиночку воспитывающая их.

Сюжет еще и необычен. Повествование проецируется на экран памяти героини с помощью талантливо использованного Н. Квасниковой приема, этакой своеобразной линзы.

Такой «линзой» в повести является теперешнее состояние Нины Яновны — состояние обреченной на окончательную неподвижность и вынужденную полную бездеятельность пожилой женщины. Как всякая линза концентрирует солнечные лучи в

* Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»: роман, часть I, гл. I. (Собрание сочинений в двеннадцати томах: М., Издательство «Правда», 1984 г., т. 7).

определенном фокусе, так и это состояние Нины Яновны всю историю их рода, всю ее прошлую жизнь, жизни и отношение к ней близких людей, нынешние и сиюминутные обстоятельства, чувства, мысли и эмоции концентрирует в настоящем моменте во всей их последовательности и взаимосвязи. И не просто концентрирует, а заставляет все переживать: старое заново, нынешнее — более остро, но в любом случае уже в проекции на теперешнее положение вещей.

Да, сильный человек, личность, наделенная явными бойцовскими качествами вдруг, оказывается бессильной что-либо изменить и в своем состоянии и в жизни окружающих ее людей. И эта энергия, не имея выхода в сферу деятельности, переходит в сферу эмоций. Отсюда: «А твоя-то сегодня о тебе позабыла!..», «Сварит кастрюлю супу на неделю — и кормит им, не переставая!..» (Н. К. Cit. Or).

Однако чем дальше идет повествование, тем все более проступают те качества и черты характера основных героинь, ради которых собственно и нужно жить, страдать и преодолевать. Но об этом несколько позже.

Для Господа важно состояние души человека, и даже если он грешный искренне раскается в последние минуты своей жизни, то может обрести спасение. Пример очень ярко показан нам в Евангелии*.

О состоянии наших душ можно говорить много. Вся беда в том, что речь об этом ведется либо келейно, либо на практически не посещаемых телеканалах и сайтах, либо в духовных книгах. А вот все популярные СМИ наполнены только новостями о состоянии наших дел. Но ведь дела определяются состоянием душ! Истина простая, но, как правило, забывается, либо целенаправленно игнорируется. Об этом, в частности, ведется речь в статье «Потребить и наследить»**, опубликованной отнюдь не в центральной и даже не в местной официозной печати.

Кому как не литературе, на примере произведений великих русских писателей XIX и XX веков, поднимать вопрос о необходимости превалирования позитивных духовных и душевных качеств человека и показывать пути к их созиданию. К сожалению, современная литература, где преобладает в основном детективное, «дамско-романное», порнографическое и политическое чтиво наряду с «лишь-бы-не-касаться-современных-дел» нырянием в близкое, далекое и даже очень далекое историческое прошлое, не касается этих вопросов за очень редкими исключениями.

Тем более приятно встретить произведение, которое, как и положено произведению глубокого и талантливого автора — писателя и психолога (а настоящий писатель не может не быть психологом),— не прямо, а исподволь подводят читателя к мысли о необходимости изменения себя и показывает, как это можно делать, несмотря на весь эмоционально-чувственный груз прошлого и на теперешние, порой тяжелейшие обстоятельства жизни. Таковым произведением по праву является повесть Натальи Квасниковой «Горизонт за карнизом».

Сложное дело судить о душе другого человека, к тому же помним: «Не судите и не судимы будете***». Но одно дело осуждать, а другое — рассуждать. В приведенной цитате имеется в виду «осуждать», а мы рассуждаем.

Как понять слова матери, обращенные к дочери? «...Позвонила мне давняя подруга из Абакана, поведала новости. Соседка моя бывшая, мне ровесница, померла недавно, а на другой день ее дочь, Сашка, одногодка, следом от инфаркта на тот свет ушла. Так они и лежали рядом, две старухи... Я своей сообщила, да возьми и добавь: “Вот бы и нам с тобой так же!”» (Н.К. Cit. Or).

Этот отрывок говорит о многом.

---

* Новый Завет. Евангелие от Луки — 23:39-43.

** Яков Шафран. «Потребить и наследить». Статья. http://www.proza.ru/2009/11/23/1597.

*** Новый Завет. От Матфея святое благовествование, 7: 1.

Да, была трудная жизнь, тяжелая работа, воспитание детей, обстоятельства. Но о состоянии души никто не освобождал думать, несмотря на господствующий атеизм и собственное мышление неверующего человека, из чего и проистекает: «То верю, Бога прошу меня опять на ноги поставить, а то сомневаться начинаю, бранюсь, что нет, мол, Его,— иначе, за что Он меня мучает?» (Н. К. Cit. Or).

♦Много тяжелого было в жизни у Нины Яновны. Но с какой теплотой она вспоминает былое! И в этом мы тоже видим позицию автора — во всем найти хорошее, доброе, светлое.

Мы читаем с любовью и художественно написанные строки о родных, о местах, где приходилось жить семье героини, о быте тех лет. Описания перемежаются и острыми эпизодами, как то: встреча с огромным и свирепым быком, похищение хлеба голодными детьми из столовой детдома, ночной пожар в избушке, болезнь и смерть дочери и близких, встреча с волками, несчастный случай на железной дороге, бандитское нападение, наводнение. Всяко было... Но все преодолевалось.

А самое горькое событие в жизни Нины Яновны — арест по подлому навету ни в чем не повинного отца. «...Стр-раш-ную сказку сочинил!..»— кричала маленькая Клава. (Н. К. Cit. Or). И такая страшная сказка была в судьбе героини, как и в судьбах многих наших соотечественников, в годы служивого рвачества, мстительных доносов, ощерившегося «левачества» и порой просто недосмотра и недомыслия. Но добро торжествовало и во время лихолетья в лице и майора НКВД, спасшего молодую девушку Нину от верной дороги в ГУЛАГ; и прокурора, давшего ей добрый совет, как получить необходимый документ; и комсомольского секретаря, поверившего ей на слово. А ведь они могли ничего этого не делать!

Да, в прошлой нашей истории и голод бывал, и страх пробирал в некоторые периоды, и дефицит суету создавал лишнюю... «Но, правду сказать, люди в целом лучше были, не те, что нынче, потому и в войне победили, из пепла в считанные годы отстроились, в космос первыми полетели <...> По мне — так лучше тот застой, чем нынешние убийства в подъездах да взрывы в метро...» (Н. К. Cit. Or). Неоценим опыт прошедшего, непростая жизнь человека тех лет для молодых. Только бы слушали, а еще важнее — слышали. Вслушайтесь, читатели, в эти мудрые слова, идущие из глубин сознания: «При любом строе человеку невозможно существовать без тяжелых проблем. Вспоминаю из истории инквизицию, рабство и крепостничество, гладиаторские бои, казни, войны и прочую гадость <...> Не знаю, по каким критериям оценивать разновидности общества. Приходит в голову один критерий — способность воспитать народ на высокосознательном уровне. Вот и выбирайте! Издержки, по-видимому, все равно останутся, так или иначе, и при самой распрекрасной организации попадать в их число больно и трудно, но кому-то приходится...» (Н. К. Cit. Or). Согласитесь, трудно не подписаться под каждым из этих мудрых слов.

♦Но вернемся к тому, чем же все-таки лечатся, по мнению Натальи Квасниковой, наши духовные немощи, к тому, с чего мы начали наш разговор. Думается, это — главное в повести.

Так уж повелось в жизни человеческой, что в начале ее мы с удовольствием читаем книгу жизни внешней, в том числе книги чужих жизней, а к концу — «только книга собственной жизни и интересна», — как думает Нина Яновна. — «И шрифт кру-упный, и каждая строка вполне ясна». «Иногда задумаюсь так <...> будто заново далекие годы перестрадала» (Н. К. Cit. Or). Однако не только это важно. Жизнь неотрывна от корневой системы народа, к которому относит себя человек. (Недавно в одной телепередаче в сюжете, записанном на Кипре, выступала русская женщина.

Она сказала, что живет здесь уже 16 лет, и Кипр — ее родина...) От плода может появиться только соответствующий плод, это известно. Поэтому русскому человеку, будь он таковым по крови и духу либо только по духу (дух, видится, главнее — см. выше. *Прим. авт*.), не свойственна роскошь, жажда наживы, потребительство, и смыслы для него главнее денег. В повести маленькими драгоценными камушками эти смыслы проблескивают во многих местах. Вот, например: «А я не могу пять персиков враз употребить, не каша, мне душа не позволяет!» (И это при теперешнем, относительном, конечно, но достатке). Или вот: «Ждали меня с нетерпением — тесто уже подошло, пора земляничную начинку класть. Вот и я, с пустыми руками, никчемными медяками. Никто не сказал мне сердитого слова, долго смотрели на меня и молчали, горько, разочарованно. Плакала я о несостоявшемся пироге сладком, о походе лесном, о животе пустом...»— вспоминает героиня из своего детства (Н. К. Cit. Or).

Интересно, что когда «свалилась снопом» Нина Яновна, то посаженная ею на даче калина болела целый год. Как все взаимосвязано в этом подлунном мире! Но не большая ли связь существует между людьми?

На Александру и ее жизнь также очень сильно повлияло случившееся с матерью. На первый взгляд, кажется, что в повести Саша находится как бы на втором плане. Но это далеко не так. И сейчас поговорим об этом.

А вначале скажем о предсмертной мысли главной героини повести. «Почему во все времена у человека столько горя? Проблема нашего недавнего прошлого, по-моему, в том, что стремились к счастью общности, упорно и жестоко забывая о каждом в отдельности. Однако человека воспитать сумели и в войне победили, и после страну восстановили <...> Будьте же объективны — и благодарны! Есть за что» И далее: «...Нельзя мешать человеку — жить, любить, стремиться к своему предназначению <...> Кажется, и я в этом провинилась?.. Жаль мою старшую... всех, всех жаль!..» (Н. К. Cit. Or).

Итак, мы видим, как человек пришел к любви к ближнему. Это уже немало, тем более для атеистического по сути сознания, и, памятуя о важности именно предсмертных слов и мыслей, когда человек не лжет ни себе, ни другим, истинно.

В последние дни жизни Нины Яновны самым ближним человеком и практически единственной связью с миром оказывается ее дочь Александра. И если для матери, не верующей в Бога, несмотря на чудо исцеления маленькой Саши, после молитв в церкви, все заканчивается в ее сознании с окончанием земной жизни, что подчеркивается последними строчками повести: «Глазами раскрашенной фотографии смотрю им вслед с памятника...» (Н. К. Cit. Or), то для Александры — нет, судя по ее жертвенности и терпению, судя по ее реакции на порой грубые, резкие и нетерпеливые слова матери. И, может быть, именно те молитвы так повлияли на ребенка, что она не только исцелилась, но и душа приобщилась к божественному свету. О чем может свидетельствовать поступок, когда она девочкой-подростком из жалости стала отвечать на письма своей одинокой, страдающей и тоскующей по дочери тети, сестры матери, которой та отказалась писать.

Александра ходит в церковь, молится и не скрывает это от матери, а, напротив, рассказывает, пытается как-то мягко приобщить. Автор прямо не описывает жизнь Саши, но через воспоминания Нины Яновны. Она постепенно, по крупицам рисуется автором — незатейливая и скромная, несчастливая, но чистая. Александра терпелива и смиренна в ответ на раздражение, а иногда и на обидные слова старой и очень больной матери. «Переварив» все внутри, она отвечает только добротой и заботой, как и полагается христианской душе.

И мы видим, как Александра к концу повествования, несмотря на свою второплановость по сюжету, постепенно выходит на первый план по смыслу и становит-

ся — тихая, скромная, незаметная,— главной героиней произведения, близкой по духу автору.

Образ Саши в повести является, если так можно сказать, продолжением образа ее матери. Если мать только в конце жизни сознает, приходя от общего к частному, что нужно любить каждого конкретного человека и, не подчиняя его своей воле, позволять быть самим собой, то дочь всей своей жизнью, вначале неосознанно, потом все более осознанно осуществляет христианское служение, тем самым идя уже от частного к новому общему, основанному на совершенно иных принципах межчеловеческого взаимодействия — на принципах добра и любви.

Через ее образ Наталья Квасникова показывает единственно верный путь преодоления духовной немощи, декларируя и свои главные жизненные принципы — ясность и простоту жизни, доброту и сострадание,— все то, чего нам так не хватает сегодня!

Ирина Кедрова, (г. Москва)
член Союза писателей России,
член Академии российской литературы

Наум Ципис

ВСТРЕЧА НА ВЕЗЕРЕ

Наконец-то наша встреча, столь долго ожидаемая, состоялась. Мы оба желали ее.

Скептично настроенный читатель наверняка возмутится: тратить его время на бабьи эмоциональные всплески — верх нахальства. Однако для меня и, думаю, что для любого человека, такая встреча — определяющая. Большая удача — знакомство с человеком яркого таланта — учительского, журналистского, литературного, человеческого!

Наум Ципис родился и рос на Украине, профессию учителя получил в России, долгие годы работал в Белоруссии, а потом вынужден был уехать в Германию. Можно сказать, планетарного масштаба человек. Впрочем, он такого масштаба не только по местам жительства, но — и это более важно — по состоянию души.

Детство его пришлось на тяжкие военные и послевоенные годы, проведенные в Виннице — на Замостье. Народ там простой в обычаях, сильный духом, на слово охочий и цепкий. С той земли и от тех людей у Наума взгляд наблюдательный, слово емкое, сердце доброе, на людей настроенное. Потому и стал учителем.

Преподавал в профтехучилище, так назывались учебные заведения для тех, кто оказался неспособным осилить школу, да согласился получить рабочую специальность. Обучал Наум подростков, которые родителям не слишком нужны, из школ выброшены, к тому же неуемны в своей борьбе за существование. Терпеливо вводил он «подкидышей лютой эпохи» в жизнь, убежденный, что таковая в полной мере может состояться, когда человек способен думать, анализировать, наблюдать и делать адекватные выводы. Историю преподавал. По себе знаю: это такой предмет, который заставляет думать. «Спрашивайте,— говорил он ученикам,— я отвечу на любой ваш вопрос. Если же ответить не смогу, будем вместе разбираться». Так учил, и сам учился.

Мы говорили с моим собеседником о российской школе, о сегодняшней реформе образования, в которой еще много неясного и, на мой взгляд, приведшей к тому, что старая система образования, дававшая специалистов высокого качества, разрушена, а новая будет создаваться долгие годы, что, конечно, отразится на состоянии всех отраслей, где нужны квалифицированные специалисты.

Освоив науку воспитания, Наум перешел в журналистику, чтобы не только приобщать к мысли училищных бедолаг, но и рассказывать всему советскому народу о родной стране, ее успехах, победах и трудностях.

Замостянское детство под неусыпным надзором местных дядьков — Яремы Мукомола, Петра Цымбала, Лейзера Кримершмойса и других, при мудрой любви родной Бабушки и верности друзей — великих неслухов, потом обучение в педагогическом вузе Курска и преподавание в ПТУ, затем журналистские будни с разъездами и открытиями, и, конечно, постоянные раздумья, неостановимое усердие в познании различных сторон жизни, дали огромный материал, которым следовало поделиться.

Наум — великолепный рассказчик: образы, юмор, сочность слога. Благодаря этому наша с ним беседа текла от темы к теме, и я живо представляла все, о чем он говорил. И стало понятно, почему этому человеку однажды оказалось недостаточным рассказывать о жизни близким людям. Ему хотелось анализировать, выявлять, раскрывать и, главное, создавать художественные образы, давать им возможность самостоятельного существования в жизни, на бумаге, в головах читателей.

«Я пытаюсь вернуть из небытия хороших людей, вызвать давно умершие чувства, музыку, запахи... Я играю во взрослую игру под названием «литература» и скажу вам, что иногда я смеюсь и плачу над листком бумаги, и тогда — это бывает так редко — мои «игрушки» оживают и начинают свой дальний поход, забыв о том, кто их родил...» («Приближение», с. 8).

Сколько душевной теплоты отдано воспоминаниям детства.

Приведем в пример добрые слова о Бабушке — важном для Наума человеке, потому и пишется это слово в книге с прописной буквы. Видно, нельзя ее поставить в общую строку с другими. «Моя Бабушка, авторитет на Замостье непререкаемый...», «Бабушка — самая добрая. Что бы ни случилось, как бы я ни вел себя, какую бы шкоду ни сотворил — для Бабушки я всегда прав».

Вот он мудрый урок родителям. Это я теперь, прожив много лет, вырастив троих детей, получив в дар от них четырех внуков, понимаю, что ребенку важно знать: чтобы ни случилось, мама, папа, бабушка и дедушка его любят!

Вспоминает Наум Бабушкины сказки, выводя при этом общественный закон: «Как только повзрослевшее человечество забывает бабушкины сказки, сразу возникают несказочные «волшебники изумрудных городов» («Приближение», с. 176). Вот так переходит писатель от воспоминаний детства к философскому освещению жизни. И очень даже прав, поскольку известно: любимая в детстве сказка впоследствии влияет на жизнь человека. Ты то, что внесли в тебя сказки детства.

Может, потому живет писатель в сказочном городе Бремене, где когда-то поселились «Бременские музыканты» — осел, собака, кот и петух? Весь город захвачен этими сказочными героями, описанными братьями Гримм. Где в историческом центре города ни пройдешь, обязательно их встретишь,— на центральной площади скульптурная группа Герхарда Маркса, на маленькой улочке другие скульптуры, в магазинах сувениры, открытки и книги. Наверное, оттого в моей голове когда-то появилось словосочетание «бременский писатель». Здесь в этом удивительном немецком городе живет добрый к людям и чуткий к слову Наум Ципис. Однако продолжим рассказ о встрече и о писателе.

«Я не знаю ничего более человечного и необходимого для неокрепшей еще и беззащитной детской души, чем тот воздух уюта и теплоты, который возникал, прежде всего, от Бабушкиного голоса, который незаметно зачаровывал, от ее больших молодых глаз, которые тихо светились в мигании маленькой масляной коптилки... Незабываемое ощущение полной безопасности, родства и бессмертия» («Приближение», с. 177).

Кто из нас не хотел бы оставить такие воспоминания о близком человеке?

Наум в нашей беседе вспоминает своих учителей от литературы. Прежде всего, Янко (Иван Антонович) Брыль, известный белорусский писатель, давший ему фактически первый урок: «... проза — дело строгое и суровое. Каждое слово обязано стоять

на своем месте. Не там поставите — испортите всю страницу» («Приближение», с. 20). Тепло говорит об Учителе, его мудрости и простоте.

Потом мы вспоминаем поэтов Максима Танка, Михаила Светлова и Семена Гудзенко. И мне вдруг приходят на память стихи С. Гудзенко:

Мы не от старости умрем,—
От старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!

Рома у нас нет, пьем армянский коньяк. По-моему, это писательский напиток. Есть в нем что-то удивительно горячительное, как рука друга, дарующая тепло. И хотя Наум не был фронтовиком, он пережил войну в детстве, потом на себе ощущал, как и его сверстники-подростки, последствия войны. Видел и пленных немцев, и советских солдат-победителей, и инвалидов войны, обретавшихся на винницком базаре. Наш разговор посерьезнел, пришла сердечная боль, а вместе с ней воспоминания о друзьях-товарищах.

Душевное тепло разливается на страницах, когда Наум пишет о друзьях. Так, например, о Виталии Шиндлере: «Я жил, и он жил. Но он еще и думал, и пытался понять, а ко мне эта «привычка» пришла позже — и в значительной степени благодаря ему. Он не учил, он был рядом, и этого стало довольно» («Белая память», с. 5). «Он был первым внимательным слушателем и добрым критиком моих литературных опытов. Он был бездонным морем, в котором я топил свои горести... Сколько умных советов услышал от него, сколь постоянным было его доброе участие в моей жизни...» («Белая память», с. 15).

Когда-то, прочитав книгу о друге Наума, мне страстно захотелось оказаться рядом с этим человеком. Он представал перед моими глазами мощным и сильным, способным спасти и защитить. Он и в самом деле умел защищать. И умел отстаивать свои убеждения. Однажды на республиканской конференции педагогов смело высказал крамольную по тем временам мысль: «Методы и приемы Сухомлинского повторить нельзя... Вдохновляться ими можно, применять — нет». В ответ на шум зала, в котором проявились удивление и несогласие, В. Шиндлер задал ряд вопросов, на которые никто не смог ответить утвердительно. Среди этих вопросов были такие: «Кто из вас Сухомлинский? Кто сможет без выходных и отпусков работать много лет подряд? Кто сможет вставать в четыре утра каждый день, писать десятки томов книг о детях, школе, учительстве?»

И в самом деле, подумалось мне при чтении книги, я так не могу. И в моем окружении, среди добрых и славных педагогов, нет таких, кто бы ответил утвердительно и действовал бы в соответствии со своими ответами. Любой педагогический прием является органичным сочетанием физики и естества человека, его мыслей и убеждений, его жизненного опыта, знания и отношения, его чувств и эмоций, его семейных бед и радостей, дружеских связей. Учитель — это уникальный сплав всего, что в нем есть, потому созданное одним не может оказаться точной и удачной копией действий другого.

Тепло говорил Наум о своем друге. А в глазах скользнула грусть: друг-то далеко. Так далеко, что не доедешь, не позвонишь и по электронной сети не свяжешься.

В. Шиндлер «творил людей». «Он выявлял в маленьких еще людях человека. Он «заставлял» своих учеников «вспомнить», что задолго до их персонального появления на земле — «что само по себе уже чудо и подарок» — были и благородство, и храбрость, и честь» («Белая память», с. 27).

По сути, книга «Белая память» — это добрая и светлая характеристика человека, ставшего Учителем для многих девчонок и мальчишек, а также для своих друзей и близких.

Атеист во взглядах, Наум вдруг отошел от неверия в Божественные силы. Сам пережил трудную и странную минуту, оттого его рассказ сильнее и убедительнее. А вместе с тем этот рассказ является доказательством того, что много знающий человек открыт новому в освоении мира. Вот о чем рассказал писатель.

Виталий умер от тяжелой болезни, а Наум лег в немецкую клинику на операцию. Сложная операция — на сердце — определяла, останется ли он на земле или уйдет следом за другом.

«На девятый или десятый день после операции сестричка, фройляйн Ильзе, вошла в палату, как всегда — складочка к складочке, кровь с молоком, изящество и улыбка:

— Герр Ципис, зи верден ам телефон верлагт.

Я, конечно, удивился, но Ильзе подтвердила: «Я, я», просят, значит, к телефону — и я покатил свою капельницу по коридору в сестринскую. Красная трубка лежала на белом столе возле красного телефона. Я сел в удобное вертящееся и катающееся кресло.

— Да, слушаю!

Молчание, легкий треск...

— Алло, я слушаю вас! Алло!

Молчание и — хриплый сип — его невозможно было не узнать или перепутать:

— Что, уже сидишь на стуле, засранец?..

Не знаю, как назвать то, что я испытал во «вторые» секунды и минуты — в первые не было ничего: я просто не успел ни испугаться, ни удивиться...— ничего» («Белая память», с. 45).

Мне важно, дорогой читатель, рассказывая о моем соучастнике долгожданной встречи, приводить отрывки из его литературных произведений, чтобы ты мог почувствовать большого и тонкого писателя, насладиться речевыми оборотами, словосочетаниями, манерой изложения. По его книгам, очеркам, эссе можно учиться — жизни, писательскому ремеслу, отношению, любви.

Кто-то не согласится на введение в текст слов о ремесле, видя в литературном труде высокое творчество. Однако согласись, читатель: без ремесла — первой ступени, на которую встает художник слова, звука, движения, цвета и формы — не будет следующей ступени, которая состоит из творческого процесса, постоянно развивающегося и ведущего к высотам общения с читателем, слушателем и зрителем.

Прочти, читатель, почувствуй метущуюся душу, находящуюся в поиске объяснения самому себе земного мира.

Писатель — это всегда личность, я бы сказала — общественного и индивидуалистического толка. Индивидуализм проявляется в мировоззрении, направленном на приоритет личностных целей и интересов, на личную свободу в обществе. Внутри писателя развивается множество миров, и он не может допустить посторонних в эти миры, дабы их не разрушить. Ему важно, построив миры, сохранить их в себе.

Однако писателю одновременно свойственно и противоположное. Он стремится отдать созданный мир людям посредством слова. Он не может жить взаперти, ему нужен воздух и вседвижения общественной жизни.

Наблюдения за процессами, развивающимися в обществе, выявление общего, особенного и единичного, описание обнаруженного, особый — художественный — анализ виденного — все это делает писателя общественником, который воздействует на умы и сердца читателей.

Н. Ципис в полной мере соответствует моему видению писателя. Это личность, внутри которой сокрыты огромнейшие пласты разных миров, в которые включена жизнь Украины, Белоруссии и России, Винница и Замостье, детство, становление, профессия, друзья, коллеги, отношения, литература, искусство, история и многое

другое. Он умеет соединить несоединимое, увидеть глубинное, рассказать об этом своим особым стилем.

Его волнует все, что оказывается в зоне внимания. Но есть самые животрепещущие темы. Одна из них — Сталин.

В журнале «Приокские зори» (№1 и № 2, 2013) опубликовано произведение «Бюст в полный рост». Здесь и воспоминания детства и юности, и взгляд на годы социализма в нашей стране, и описание руководителей разного масштаба, и семейные отношения, и дружеская поддержка, и поэзия, и проза, и несколько слов о Василии Гроссмане. Однако все так переплетено, что нет ничего лишнего. Более того, у читателя появляется объемное представление о том, что пишет автор. Много деталей ведут к главной идее. В этом, мне думается, одна из особенностей мастерства Н. Циписа.

Логичным пришлось описание дачи Сталина «Зеленая горка» в Сочи, а за ним мистическое, но убедительное, сообщение о том, что прежний хозяин дачи и сейчас любит бывать в своей спальне. Здесь же рассказывается о памятниках вождю в Минске, Гори и Ереване. Образные, юморные, хлесткие рассказы. Ты видишь то, о чем читаешь, и улыбаешься, и переживаешь, и делаешь свои выводы, к которым подводит тебя автор.

Н. Ципис уже много лет живет в Германии: немецкие врачи сделали ему сложную операцию на сердце, потом долго восстанавливали, теперь неусыпно ведут пациента. Ему необходимо продолжение жизни, чтобы еще и еще раз встретить рассвет, поспорить с друзьями, сказать самой прекрасной женщине — своей супруге — слова любви, поцеловать внуков и правнучку.

Сама операция, думается мне, вполне объяснима: нельзя сохранить сердце в крепости, если ты переживаешь за все, что тебя окружает и с тобой связано: за детей, которых учишь, за женщину, которую любишь и принимаешь ее личностную уникальность, за друзей, без которых нет жизни, за книги, которые пишутся и потом уходят к читателю, за прошлое и настоящее своей отеческой страны и той, что сохранила тебе жизнь.

Тоскует ли по Родине? Конечно. «Невыразимо тоскую по всему моему, что там осталось, по моим людям» («Приближение», с. 16). Однако надо жить. Судьба подарила ему возможность видеть свою Родину, т.е. родные места, природу, людей и все, что ими создано, со стороны. Издалека. Вспомни, читатель, слова Сергея Есенина: «Большое видится на расстоянии». И это большое — свою дорогую Винницу (еще и с временного расстояния лет в шестьдесят), милый сердцу Минск, страну, в которой вобрал в себя умение видеть и описать — Наум видит, может, в чем-то лучше, чем мы, живущие здесь. Взгляд этот напряжен и критичен, но всегда с любовью и болью.

Он много пишет о Германии — о дорогом сердцу Бремене, что раскинулся на реке Везер, о Дрездене, о высокой культуре немецкого народа. В его рассказах о Германии радость открытий, которой он спешит поделиться с читателем.

Бремен: «Город-порт был одним из отцов-основателей Ганзы — первого в истории Всемирного торгового союза. Богатый вольный город купцов, моряков, ремесленников, музыкантов и художников стал магнитом, который притягивал людей земли. Здесь смешивались все крови планеты. Конечно, где ж еще и жить женской красоте, как не здесь: свобода, довольство и мир, и теплый воздух Северного моря, согретого Гольфстримом...» («Приближение», с. 329).

Мы говорим о Бремене, и Наум рассказывает о людях, которые живут рядом с ним, о порядках и бытовых условиях, медицинском обслуживании, о восстановлении города в послевоенные годы. Вспоминаем немецкого скульптора Герхарда Маркса — автора знаменитой скульптуры «Бременские музыканты», что стоит у здания Бременской ратуши с середины прошлого века и является символом города. Потом увлеченный житель Бремена рассказывает, как был реконструирован Шнор — средневе-

ковый уголок современного города. И я соглашаюсь, что Бремен — один из самых красивых, сказочных городов Европы.

Внимание писателя справедливо отдано и другому всемирно-известному культурному центру Европы — городу Дрездену. Он пишет: «... этот немецкий город вырос на берегу Эльбы на месте рыбацкой деревни с белорусским названием Драждяны. Через 300 лет деревня эта стала столицей саксонского королевства, городом европейской политики, экономики и культуры» («Приокские зори», 2010, № 3, с. 171).

Он пишет об одном из самых главных мировых шедевров, хранящихся в Дрездене — о «Сикстинской мадонне» Рафаэля — и связывает свой рассказ с уроками эстетического воспитания в профтехучилище, когда учащиеся безошибочно из многих красавиц, написанных великими художниками, именно Сикстинскую мадонну избрали представительницей Земли на конференции народов Вселенной. О Форнарине — возлюбленной Рафаэля, ставшей моделью для картины. О прекрасном художнике, оставившем нам в картинах часть своей неумирающей души. О самой картине. «Эта вечно юная женщина была в своей долгой жизни и рабою, и царицей, не раз возносилась она над властью и не раз подвергалась опасности, но ни разу ее не смогли лишить высоты, свободы и света. Ее покупали, воровали, прятали, а она смотрела на «прекрасный и яростный» мир людей, и в ее спокойном взгляде светилась вера, надежда и любовь. Душа ее была чиста» («Приокские зори», 2010, №3, с. 178).

Наум Ципис — искренний поклонник Женщины — убежден: человек, ее не познавший, жизни не знает, не способен в полной мере осознать все, что происходит вокруг и в его собственном бытии. «Оказывается, любовь нельзя обманывать: обманув женщину, ты обманул Небо. Это непрощаемый грех» («Приближение», с. 314).

И мы говорим о его прекрасной Женщине, высокое чувство к которой он пронес сквозь всю свою жизнь, от студенческой скамьи до сего дня. И я рада, что рядом с моим другом, собратом по перу, стоит умная, требовательная, любимая Жанна Семеновна. И думаю: дай Бог ей здоровья! Поскольку убеждена: мужчина тогда проявит все, данное ему небесами, когда рядом с ним стоит Женщина. Впрочем, и женщине — любой — тоже необходим Мужчина!

Мы встретились — москвичка и винницко-минско-бременский житель. В нас обоих заложен ген словотворца. Нам важно сказать друг другу, что мы оказались в едином мире добра и света. Говорим о Германии и Бремене, о войне, в которой два народа стали жестокими противниками, о современной России и, конечно, о литературе. Я, словно школьница-отличница, учусь у мастера, схватываю ушами и сердцем его слова, впитываю глазами своего собеседника с его удивительно добрыми и грустными глазами. Впрочем, в этих глазах проскакивают искорки счастья, направленные на своих соотечественников. Угощаюсь ароматным кофе и милым разговором.

«Сколько лет мучаюсь я над своей бесконечной винницкой книгой и все никак не могу достучаться ни до живых, ни до мертвых: живые не хотят жить на моих страницах, а мертвые — оживать» («Приближение», с. 4). Так написал когда-то Наум, и, пожалуй, здесь я с ним не могу согласиться. Они живут на страницах книг и идут к читателям, и становятся их друзьями и сотоварищами. А вторые оживают, щедро делятся своей мудростью с тем, кто хочет эту мудрость принять на себя. В этом состоит одна из тайн литературы.

А что такое литература? И на этот вопрос у мастера есть ответ: «...все, что написано, все не зря. Другое дело, интересно ли читать. Если да — литература, если нет — факт жизни и не более. Но и не менее. И главное — не пропало» («Приокские зори», 2013, № 1, с. 191).

Встреча на Везере, вернее, в городе, уютно устроившемся на этой красивой реке, оставила в моем сердце неизгладимый след — след любви, света и добра, внесенный улыбкой и творчеством Наума Фроимовича Циписа.

Игорь Нехамес
(г. Москва)

ЗВУЧИТ РУЧЬЕВСКАЯ СТРОКА

К 100-летию со дня рождения известного советского поэта Бориса Александровича Ручьева

Действительный член Академии российской литературы, действительный член Академии гуманитарных наук России, член Московской городской организации Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова и Г. Р. Державина, лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова, лауреат премии литературного агентства «Московский Парнас», лауреат премии «Золотая осень» с вручением ордена С. А. Есенина. Лауреат премии «За лучшую детскую книгу» 2011—2012 гг. с вручением медали имени С. Я. Маршака, лауреат премии «Золотое перо Московии» Московской областной писательской организации, лауреат Золотого диплома имени Ф. И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России. Автор 17 прозаических и поэтических книг.

Он очень хотел пожить подольше, но большая тяжелая работа в ранней молодости, лишения ссылки и официальное приумолчание его литературного творчества, а также жизнь на периферии литературной деятельности сказались на его судьбе.

Всего он прожил чуть более 60 лет. И незадолго до своей кончины сказал мне, семнадцатилетнему парнишке, поздравляя с днем рождения, что, «видимо, пенсию так и не пополучаю, зато страна побогаче будет, а то бы на мою старость тратилась».

Знакомство

С известным советским поэтом Борисом Александровиче Ручьевым (Кривощековым) я познакомился в июле, незадолго до Дня металлурга, на центральном стадионе имени 50-летия Октября, что на правом берегу реки Урал. Этот замечательный спорткомплекс появился в Магнитогорске Челябинской области благодаря энтузиазму замечательного пропагандиста физической культуры и спорта Павла Захаровича Шувалова. Моя мама была знакома с ним, и он всегда был приветлив с ней. А ей нравилось гулять вокруг стадиона, делая по три-четыре круга за прогулку.

Павел Захарович был необыкновенный человек: в молодости, в 1944 году, он учился в школе-студии МХАТ вместе с будущим народным артистом СССР Анатолием Дмитриевичем Папановым, которого тогда дружески называл «Толян». Папанов тяжело был ранен во время Великой Отечественной войны, его демобилизовали, и он поступил учиться «на артиста». Павел Захарович из-за болезни потерял голос и его по-дружески называли «Самый хрипатый физкультурник». Он только улыбался в ответ на это прозвище, а организатором был великолепнейшим. Впоследствии вокруг стадиона появились новые спортивные объекты, и по составу спортсооружений Магнитогорский спорткомплекс считался вторым в СССР после столичных Лужников.

В память о Павле Захаровиче и о развитии спорта в Магнитогорске в апреле 1983 года я выпустил книгу очерков под названием «Магнитка кует здоровье» в издательстве «Знание» в серии «Физкультура и спорт».

Также вокруг стадиона бегал и многолетний редактор газеты «Магнитогорский рабочий» Яков Моисеевич Ременник, который справедливо считал, что «здоровый дух — в здоровом теле!», как говаривали еще древнегреческие мудрецы.

Часто я сопровождал маму в физкультурных прогулках, тем более, что она рассказывала много интересного о своей партизанской жизни, о работе в годы Великой Отечественной войны на Магнитогорском металлургическом комбинате, куда пришла работать в ноябре 1942 года в доменный цех, обучаясь в ремесленном училище.

И вот я слушал ее рассказы, и незаметно мы проходили круг за кругом по стадиону. И несколько раз обогнали невысокого кряжистого человека с большим лбом и внимательным взглядом. Волосы у него были зачесаны назад. Когда стали обгонять в третий раз, то мужчина попросил нас остановиться и церемонно представился, протянув маме руку: «Ручьев». Я знал фамилию этого поэта, но, не подумав, сказанул:

— Вы, наверное, тот самый известный поэт?

В ответ он улыбнулся. Улыбка у него была очень располагающая — открытая, добрая.

А я спросил наивно, совсем по-детски:

— Раз вы поэт, то почему не сидите за письменным столом, а бездумно ходите по стадиону?

Он так звонко рассмеялся в ответ! Мама высказалась в том духе, что ребенок есть ребенок. Борис Александрович согласно покивал в ответ. Я тоже представился и протянул руку для пожатия. Ручьев улыбнулся и тоже пожал мне руку, церемонно назвав свои имя и отчество. Как я сейчас понимаю, ему было приятно, что его имя известно на Магнитострое и что даже дети знают, что он поэт.

Как сам впоследствии любил говаривать Борис Александрович, металлургов много, первостроителей города и комбината мало, а поэтов — единицы.

Сделал ему комплимент:

— Вы очень сильно похожи на главного конструктора космических кораблей Сергея Павловича Королева — и осанкой, и ростом, и такой же кряжистый.

Запомнил фразу Ручьева: «Да, у каждого свои высоты. У нас и в биографиях много общего». (Много лет спустя я узнал о том, что Сергей Павлович Королев тоже был репрессирован, как и Ручьев, но отбывал ссылку в одной из «шарашек» — работал в «полутюремных» условиях).

Помню, что Ручьев у меня поинтересовался: мол, что ты обо мне знаешь?

Я рассказал ему, что знаю, что в год 50-летия Великого Октября его наградили орденом Трудового Красного Знамени, а также дали Государственную премию РСФСР имени Максима Горького. И сделал умозаключение:

— Наверное, 1967 год был для вас счастливым, вот почему вы гуляете на стадионе имени 50-летия Октября.

Он добродушно рассмеялся и погладил меня по голове. Потом спросил:

— Ты, наверное, читал обо мне в газете «Магнитогорский рабочий»?

— Не только. В начале 1968 года в кинотеатре «Комсомолец» я смотрел художественный фильм. Перед сеансом показывали киножурнал «Новости дня». Там показали, как вам вручают премию. Но только вам дали какой-то значок, а денег я не видел.

Ручьев удивленно посмотрел на меня и пояснил:

— Это не значок, это знак лауреата, а деньги так не вручают. Их передают потом по ведомости.

Слово «ведомость» я не знал и удивленно посмотрел на маму. В этот момент к нам подошел Я. Н. Ременник, который слышал конец разговора:

— А паренек-то памятливый. Подрастешь, давай писать в газету «Магнитогорский рабочий».

Вместе мы прошли еще один круг вокруг стадиона, я молчал, а мама о чем-то

разговаривала с Ручьевым. Вышли со стадиона, поднялись чуть вверх по улице Гагарина и завернули на проспект Карла Маркса. Позднее его переименуют в проспект имени Ленина. А находящуюся выше улицу, где ходил трамвай, переименуют из улицы Ленина в проспект Карла Маркса.

Возле большого серого дома Ручьев остановился: «Вот здесь я и живу, в квартире номер один. Будет желание — заходите в гости. Всегда рад. С интересом провел сегодняшнюю прогулку».

В благодарность за внимание я прямо здесь же, на углу двух улиц, начал читать его стихотворение «Песня о брезентовой палатке». Выучил я его к окончанию четвертого класса и читал на утреннике в школе. Меня хвалили. Вот по простоте душевной и стал читать. Борис Александрович был тронут и предложил:

— Когда придете в гости, то я тебе несколько своих книг подарю. Раз нравятся мои стихи, то учи их наизусть. Ты их понимаешь? Легко запоминаются?

Я утвердительно ему покивал.

Звонок от поэта

Накануне первого сентября 1968 года у нас дома раздался телефонный звонок. Мама хлопотала на кухне, а я взял трубку. Услышал красивый драматический баритон: «Это поэт Ручьев вам звонит. Куда вы пропали, мой юный товарищ? Запишите, пожалуйста, мой номер телефона».

Встреча в библиотеке

В год столетия Владимира Ильича Ленина, в 1970 году, в городском дворце пионеров и школьников, что на проспекте Ленина, проходил большой конкурс чтецов. В жюри был и Борис Александрович Ручьев, диктор местного телевидения Юрий Загуменный, с которым мы жили в соседних домах и сына которого я хорошо знал. Увидев меня на сцене, Ручьев заулыбался. Читать можно было только по два стихотворения. И хотя я был в красном галстуке и белой рубашке, но набрался нахальства и сказал, как сейчас помню:

— В составе жюри я вижу известного советского поэта Бориса Александровича Ручьева. Хочу прочитать одно из его стихотворений.

И хотя за кулисами одна из ответственных старших пионервожатых мне корчила страшные рожицы и грозила пальцем, я с толком, с выражением и с расстановкой, как меня учили дома родители, прочитал одно из его стихотворений. Мне очень сильно хлопали, а Ручьев, чуть-чуть прихрамывая, вышел из-за стола, поднялся на сцену и пожал мне руку. Старшая пионервожатая исчезла за кулисами. Нам уже двоим сильно хлопали. Ручьев потом медленно спустился со сцены по ступенькам, а я ему помогал, придерживая за локоть. Зал снова зааплодировал.

Прием в комсомол

В мае 1971 года меня принимали в комсомол. Было это по адресу: улица Октябрьская, дом 32, где наряду с другими организациями, располагался Ленинский райком комсомола. Когда оргинструктор произнесла мою фамилию, то вручавший билеты секретарь райкома комсомола Юрий Абашин сказал мне:

— А я тебя, паренек, знаю, был на конкурсе чтецов в составе жюри.

Услышать подобное было приятно. А потом со всеми новопринятыми комсомольцами состоялась встреча с Борисом Александровичем Ручьевым. Его представили как первостроителя Магнитки, комсомольца тридцатых годов. Мне он очень образовался и пригласил на спектакль в драмтеатр имени А. С. Пушкина, который располагался наискосок от его дома.

Вместе с мамой мы пришли туда. Он прохаживался по фойе, с ним многие здоровались. По пригласительным билетам сидели мы рядом. А артист этого театра по фамилии Широков густым басом сообщил публике, что на премьере присутствует Борис Александрович Ручьев. Поэт встал и раскланялся. Самое забавное состояло в

том, что артист был в костюме царя, но зрители не обратили на это никакого внимания. Сказал на ушко об этом Борису Александровичу, а он озорно улыбнулся и погладил меня по руке.

В антракте к нам подошел невысокий рыжеватый мужчина с проницательным взглядом. Он о чем-то разговаривал с Борисом Александровичем. Это был заведующий литчастью театра, член Союза журналистов СССР Олег Глебович Вилинский. Когда после разговора Ручьев на несколько минут отошел, Олег Глебович вдруг спросил у меня, испытывающе глядя в глаза:

— А вы, молодой человек, сыном Борису Александровичу будете?

Я удивился страшно и ответил, как мне показалось тогда, основательно:

— Если бы я был его сыном, то носил бы фамилию Ручьев.

Олег Глебович задумчиво покивал головой и отошел в сторону, но прежде поинтересовался:

— Ну, хорошо, фамилии разные? Ну а что он с тобой так возится?

— Потому что я его юный товарищ!

Позже, когда Олег Глебович Вилинский вел вопросы культуры в газете «магнитогорский рабочий», я напомнил ему этот эпизод. Он, в свою очередь, очень удивился:

— Так это был ты?!

Оказывается, этот эпизод он тоже помнил.

После спектакля мы с мамой пошли провожать Бориса Александровича. На премьерный банкет он не остался, сославшись на усталость. Перешли через дорогу, присели в скверике на лавочку. Борис Александрович стал вспоминать, как его поддерживал, когда он после ссылки приехал в Магнитогорск, тогдашний первый секретарь Магнитогорского райкома партии Владимир Васильевич Колосок. Времена тогда были суровые, к отсидевшим в лагерях и к репрессированным относились с подозрением, а Ручьев хотел писать, потому что после ссылки замыслов у него было много. И чтобы окончательно снять с его имени пятно подозрительности, Владимир Васильевич добился того, что в 1963 году Ручьева за литературную деятельность наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это был поступок, потому что поэт он тогда был не из самых известных, да еще и довольно длительное время был в местах не столь отдаленных.

В свою очередь и я подтвердил, что Владимир Васильевич — человек добрый и душевный и ко всем относится с вниманием, несмотря на возраст.

— А ты его откуда знаешь?— поразился Ручьев.

— Борис Александрович, а я с его сыном Сережкой в одной группе в детском садике номер сорок один воспитывался! А Владимир Васильевич иногда забирал сына и разговаривал с нами — его друзьями. Когда он уходил с территории, держа Сережку за руку, то воспитательница каждый раз умиленно повторяла: «Вот такие настоящие коммунисты!» Борис Александрович вопросительно посмотрел на мою маму, а она утвердительно покивала ему.

Там же, на лавочке, Борис Александрович стал рассказывать, как ездил на первый съезд советских писателей в 1934 году. И как лично ему Алексей Максимович Горький вручал билет члена Союза писателей СССР.

Помню, как я удивился:

— Вы видели Горького, живого?

Ручьев усмехнулся:

— Это не я его видел, это он увидел меня!

Потом пригорюнился.

— Пока по северу путешествовал, утерял связь с писательской организацией. Но меня позднее восстановили в Союзе.

Мало что тогда я понял из его разговоров, но чувствовалось, что вспоминать Ручьеву о прошлом не очень-то приятно и что-то его тревожило.

Прогулка к монументу «Первая палатка»

Когда я после окончания восьмого класса поступил в училище, то позвонил Борису Александровичу домой и поделился радостью. Он предложил встретиться возле его дома и погулять. Конечно, я с радостью согласился. Борис Александрович предложил, предварительно поинтересовавшись:

— Ты не устал? Давай тогда пойдем к памятнику моему творчеству.

Пошли по проспекту Ленина, потом свернули на проспект Металлургов, затем свернули налево по улице Чапаева и вышли к площади, где был установлен монумент «Первая палатка». Там было написано несколько строк из его стихотворения «Да, жгли у дверей золотые костры на рыжих каменьях Магнитной горы». Перешли через трамвайные пути, подошли к палатке, он погладил кусок руды, который лежал на символической руке, потом задумчиво сказал:

— Нет большей благодарности от людей, чем когда созданные тобой строки остаются на века. А ты как думаешь?

Я согласился с ним, но обратил внимание, что горы Магнитной более не существует. И прочитал ему строфу из своей поэмы, которая претенциозно называлась «О прошлом и будущем Магнитостроя»:

Срыли Магнитную гору,
Чтобы отпор дать врагам,
Помним военную пору:
Доля досталась всем нам.

Ручьев пожевал губами, а потом вынес свое суждение: «Первые две строчки хорошие, третья — ничего, а четвертая — слабая. Надо над строфой поработать. Я бы посоветовал тебе ходить в наше литературное объединение «Красное солнышко». Поваришься там, писать научишься».

Когда шли обратно, Борис Александрович устал: тяжеловато было подниматься вверх по проспекту Металлургов, а ехать на автобусе он категорически не хотел. Время от времени он выдыхал какое-то странное слово: «Алга, алга!» Когда он в очередной раз остановился отдохнуть, то я спросил, что за слово он произносит, когда начинает уставать. Ручьев сообщил мне, что по-киргизски это слово означает «вперед». И добавил, что хотя родился в городе Троицке Челябинской области, но долгое время жил с родителями в Киргизии. И когда идешь и выдыхаешь слово «алга», то дыхание нормализуется. Когда уже подходили к дому, то Борис Александрович сказал, что он не только поэт, первостроитель, но и коммунист.

— Так вас же Советская власть обижала, а вы в партию вступили?

Борис Александрович остановился и очень внимательно посмотрел на меня:

— Меня Советская власть никогда не обижала, мне Советская власть все дала — и мечту исполнить, и город строить, и крупнейший металлургический завод, и с интереснейшими людьми встречаться. А наказывали и обижали меня отдельные люди. И из зависти, и из-за злобности, из-за недалекости своей. Вот сейчас приду домой, стопочку-другую выпью и тяжесть с сердца спадет.

Проводил его до подъезда. К себе в этот раз он приглашать не стал.

Как я был переживальщиком

В один из дней ноября 1972 года Борис Александрович позвонил мне домой и попросил:

— Тут моя Любовь Николаевна (жена — И.Н.) на меня обиделась и поехать со мной к дантисту не хочет. Приглашаю со мной — переживальщиком будешь.

Конечно, я сразу же согласился.

За Ручьевым прислали белую «Волгу». Я еле успел на автобусе номер 5 подъехать к его дому, чтобы быть вовремя. Ручьев обрадовался, когда меня увидел. Прие-

хали в поликлинику заводоуправления ММК. В холле на первом этаже его уже ждали. Руководители поликлиники М. М. Фрадкова и С. М. Обушко искренне обрадовались своему доброму знакомому-пациенту. Пока Борис Александрович был у врача, Сима Михайловна Обушко расспрашивала меня обо всем. Очень похвалила за то, что я сижу и переживаю за Ручьева.

— Это такой человек! Сколько в нем доброты, ответственности! Дай Бог ему здоровья, а мы уж все силы приложим.

Когда Борис Александрович вышел из кабинета, увидел нас обоих, то глаза его засияли. Действительно, всегда приятно знать, что ты нужен кому-то, что кто-то за тебя переживает.

Сима Михайловна показала ему два пальца и продемонстрировала свои часы. Это означало, что два часа нельзя кушать и лучше не разговаривать, чтобы случайно не подхватить никакую инфекцию. Борис Александрович благодарно замычал. Сима Михайловна была очень растрогана.

Загадка от Ручьева

Накануне 1973 года без приглашения зашел к Борису Александровичу в гости, чтобы вручить новогоднюю открытку от нашей семьи и подарок в красивой картонной упаковке, который мама привезла из командировки в Москву. Любовь Николаевна, недовольная, открыла дверь, но все-таки в квартиру впустила. Стою в коридоре и не знаю, как быть: раздеваться или нет. Слышу на кухне пьяненькие голоса и звон чокающихся рюмок. Любовь Николаевна поджала губы:

— Иди, полюбуйся на своего кумира! Все гости за гостями, и он с ними квасит.

Мне, подростку, было неприятно это слышать. Я всегда с детства знал, что когда взрослые собираются, то выпивают, и не видел в этом ничего предосудительного.

Борис Александрович через дверь спросил, кто пришел, а потом и сам вышел в коридор. Увидел меня, обрадовался, но в квартиру приглашать не стал. Ему было неудобно за свой вид. Волосы немного всклокочены, глаза красные, рубашка расстегнута, верхней пуговицы нет. Но он бодренько сказал мне:

— Иногда надо и посидеть с друзьями, так что ты не взыскуй! А нам есть о чем поговорить и прошлое вспомнить.

Я сослался на занятость, но поздравил с наступающим Новым годом. Подарку он очень обрадовался и замечательно сказал:

— Спрячу-ка я его в рукав полушубка. Чтобы никто не догадался. А то если на закусь пойдет, то в Новый год радости не будет.

Обратно шел я на автобусную остановку задумчивый. Видимо, тяготы прожитой жизни не дают ему спокойно воспринимать действительность — без алкоголя.

Едва приехал домой, телефонный звонок. Голос почти трезвый и уверенный:

— Это поэт Ручьев! Хочу загадать тебе новогоднюю загадку, связанную с моей жизнью. Возьми ручку и запиши. Я написал четверостишие:

Знавал известного поэта,
Но имя не открою вам.
Две буквы «М» — его примета...
Оставил жизнь он северам.

И добавил:

— Хотел вставить в поэму «Полюс», но чувствую, что дописывать ее не хочу. Куража нету!!!

В телефонной трубке раздался отбой.

Долго думал я над разгадкой, но не получалось. Сначала подумал про В. В. Маяковского. Но причем здесь две буквы «м»? Позже, когда я по-приятельски сошелся с корреспондентом газеты «Магнитогорский рабочий» Юрием Балабановым,

который был сыном магнитогорской поэтессы Нины Григорьевны Кондратковской, рассказал ему про загадку Ручьева. Его мама после смерти Бориса Александровича стала вести городское литературное объединение и о многих знала. Дружила она и с Ручьевым. Именно от нее Юрий Балабанов и узнал, что во время ссылки Борис Александрович жил в одном бараке с поэтом Осипом Эмильевичем Мандельштамом. И фактически присутствовал при его кончине. Как-то поделился этой историей, и стало понятно, откуда две буквы «м».

Завет Ручьева

В июне 1973 года Борис Александрович стал хронически болеть. «Кончается мое времечко,— сказал он,— прошлое вспоминаю, мою молодость. Между прочим, с 1930 по 1934 годы на Магнитострое выходила газета «Магнитогорский комсомолец». Ты парень упертый, грамотный. Стань журналистом и возобнови выпуск этой газеты. Я тебя прошу».

Прошло время. В 1989 году я поделился желанием Бориса Александровича с тогдашним первым секретарем Ленинского райкома партии Анатолием Ивановичем Макеевым, а потом при его содействии и с руководителями городской комсомольской организации Александром Аникиным и Владимиром Шмаковым. Они в свою очередь поделились этим предложением с первым секретарем Магнитогорского городского комитета партии Виталием Макаровичем Рябковым. До партийной должности он был ректором Магнитогорского горно-металлургического института. Идея ему понравилась, а потому в апреле 1990 года на городской комсомольской конференции было принято решение возродить газету, но под другим названием — «Голос магнитогорской молодежи». Это была первая городская комсомольская газета в стране на тот период.

Позже на базе этой газеты мы стали выпускать и приложение «Октябрьская, 32». Там располагалась администрация Ленинского района Магнитогорска. Созданию этой районной газеты, приложения к городской газете, много поспособствовали руководители администрации района Владимир Иванович Прищепа и Вадим Валентинович Чуприн. Так завет Бориса Александровича Ручьева воплотился в жизнь. Есть особая мистика в том, что газета тоже выходила четыре года — с 1990 по 1994 годы. Через шестьдесят лет история повторилась.

На начальном этапе выпуска «Голоса магнитогорской молодежи» большую организационную поддержку оказал Валентин Федорович Романов, ректор Магнитогорского педагогического института. Да и не могло быть иначе, потому что Бориса Александровича Ручьева с местным пединститутом связывали теплые творческие и человеческие отношения. В его память проводятся регулярные «Ручьевские чтения».

...Когда творчество востребовано

В Магнитогорске на Правобережном кладбище нашли свой вечный покой много известных людей. Но постоянным вниманием пользуются два погоста: директора металлургического комбината Андрея Дмитриевича Филатова и всеобщего любимца Бориса Александровича Ручьева. Благородство этого человека, оставленное им для потомков творчество — это живой памятник пяти поколениям магнитогорцев. Жизнеутверждающее начало его стихов необходимо всем нам — его потомкам.

Наверное, надо сделать большой сборник воспоминаний о Борисе Александровиче Ручьеве. И работу эту надо начать сейчас — в год столетия со дня его рождения. Он заслужил это своей жизнью, своей любовью к людям и своей верностью городу своей юности — Магнитогорску.

Дмитрий Нифонтов
(г. Рославль Смоленской области — Москва)

Татьяна Бельченкова

(г. Рославль
Смоленской области)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Слова этой знаменитой песни знакомы нам с самого детства. Ее мотив знают во многих странах мира.

В чем же секрет такой неугасающей популярности? Почему песня, автором слов которой является М. В. Исаковский, стала «народной»?

Ответы на эти вопросы я нашел в 2001 году вместе с учителем русского языка и литературы Бельченковой Татьяной Ивановной. Ныне ее уже нет с нами.

А результатом стала статья, которая публикуется не случайно: исполнилось 75 лет с момента первого исполнения песни «Катюша»!

Люблю твой скромный, ясный стих,
Его нехитрую душевность,
«Катюш» и «Любушек» твоих
Любовь и преданную верность.
Б. С. Бурлитын, 1950 г.

1

Есть во Всходском районе деревня такая
Где над речкой калина цвела,
Где гармонь на гулянку девчат закликая,
Вдоль по берегу вечером шла.
Где в полях поднималися дружные всходы,
По оврагам журчали ручьи,
Где на ясные зори, на тихие воды
Прилетали весной соловьи.

У этого стихотворения есть адрес: наша Смоленщина, бывший Всходский район (ныне Угранский) — это река Угра, деревня Глотовка — родина нашего большого поэта М. В. Исаковского.

Угранский район — лесной район. Это заповедные леса над тихими речками. В речную гладь смотрятся ивы; среди зеленых берез и ольхи пламенеют ярко-красные

кисти рябин. На возвышенности — сосновые боры с их шумом “морского прибоя “. Михаил Васильевич любил эти места.

Есть во Всходском районе деревня такая,
Где оставил я детство свое.
И куда б я ни шел,— мне звучал, не смолкая,
Теплый ласковый голос ее.

Красота этих мест и вдохнула в сочинения юноши поэзию. Тут начинался поэт Исаковский. Этот край знаменит одним событием, которое произошло более пяти веков назад и является не разгаданным до сих пор. Называется оно «великим стоянием на Угре». Татарские орды Ахмата, двигаясь по Руси, остановились на берегу Угры, напротив русского войска, возглавляемого князем Иваном III, дедом Ивана Грозного. Битвы не произошло, так как русские не дали никакого повода татарам для наступления, войска разошлись. Не было кровопролития. Кто знает? Может, названное событие оставило на берегах реки положительный заряд энергии, зло обошло эти места. Зато в XX веке их прославил родившийся здесь М. В. Исаковский.

Михаил Васильевич любил свою малую родину. Летом 1935 года Михаил Васильевич вместе с А. Т. Твардовским приезжал погостить к своей матери в Глотовку. Из Всходов в то время в Глотовку было несколько дорог, смотря по какой добираться: на лошади — по одной, на машине — по другой. Но оба поэта любили пройтись пешком, самым коротким путем — по стежке, которая проходила по правому, низкому, берегу Угры. С этой стежки хорошо был виден противоположный берег — высокий и крутой. Поэтам запомнился высокий берег, где у самого крутого спуска стояла беседка. И однажды вечером они побывали там, посидели в беседке, полюбовались рекой, закатом, чистым сквозистым лесом. Но они оказались не одни: здесь собралась молодежь, здесь был «круг», по-нашему, танцплощадка. Прогуливались парочки, звучал смех, песни, заливалась гармошка, видно было, что это любимое место молодежи.

Прогулка на крутой берег Угры не прошла бесследно. Исаковский пишет целый ряд песен на молодежную деревенскую тему: «Провожание», «И кто его знает», «Шел со службы пограничник» и другие. Композитор Захаров, большой друг Исаковского, руководитель хора имени Пятницкого, переложил на музыку некоторые из них. Вслед за его хором эти песни запела вся страна.

У песни «Катюша» интересная история. Первые восемь строк «Катюши» были написаны в начале 1938 года. Но дальше работа застопорилась. М. В. Исаковский не знал, что делать с «Катюшей», которую он заставил выйти на «высокий берег на крутой» и запеть песню. И он отложил стихи. Весною в редакции газеты «Правда» поэт впервые встретился с композитором Матвеем Исааковичем Блантером. Композитор сразу же стал выспрашивать у Исаковского, на слова которого к этому времени уже было написано несколько популярных песен, нет ли у него каких-либо стихов, на которые можно было бы написать музыку. Михаил Васильевич откликнулся на просьбу Блантера и тут же написал восемь строк «Катюши»:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Михаил Васильевич передал Блантеру восемь строчек и скоро забыл об этом, не веря, что из его незаконченных стихов может что-либо получиться. Но летом, встретившись с Михаилом Васильевичем, Блантер сказал, что музыку «Катюши» он написал, что песня получилась хорошая, но что необходимо дописать слова.

Однако случилось так, что обещание свое поэт не смог сразу выполнить, а потом на целый месяц уехал отдыхать в Ялту, решив дописать стихи после возвращения в Москву.

Но в Ялте неожиданно появился Блантер и, узнав о местопребывании поэта, приехал «подогнать» его. «Он сообщил,— пишет Исаковский,— что в Москве организован Государственный джаз-оркестр, руководит которым В. Кнушевицкий.

В ближайшее время состоится первое выступление, первый концерт этого джаза.

«Катюша» уже включена в программу первого концерта, и я немедленно должен дописать ее. Мол, деваться некуда».

Через два дня песня была дописана. И, как обещал М. И. Блантер, 27 ноября 1938 года на первом концерте Государственного джаз-оркестра под управлением Виктора Кнушевицкого впервые прозвучала песня «Катюша». Ее первая исполнительница Валентина Батищева, в тот вечер трижды выходившая на «бис», не ожидала такого головокружительного успеха и, конечно, не предполагала, что песню ждет не только счастливая, но и легендарная судьба.

В своей поэзии Исаковский создал образ девушки-смолянки, русской женщины-терпеливицы, труженицы. Первой была Катюша. А потом была война, Великая Отечественная война, и девушку-смолянку ждали суровые испытания.

«На позицию девушка провожала бойца...»

Ушел ее пограничник, ее любимый, защищать Родину. А сама она перед лицом великой беды отправилась в леса, когда «уходили в поход партизаны, уходили в поход на врага». И не всегда был счастливый конец: возвращался с фронта солдат, а на родине «... Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью...». И пришлось солдату пить за упокой на «травой заросшем бугорке», на могиле своей жены.

Михаил Васильевич Исаковский низко поклонился русской женщине военной поры, страшного лихолетья, написав стихотворение «Русской женщине».

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..
А первой была Катюша!..

В 1939 году «Музгиз» выпустило отдельной книжечкой песню «Катюша» вместе с нотами. Песню запела вся страна. Ее часто передавали по радио. Так в чем же тайна живучести песни «Катюша»? Ее вечной популярности?

Ведь она перешагнула вместе с народом в XXI век. Ее уже поет «послеперестроечное» поколение. Жить ей, не умирать еще долго-долго.

Короткий ответ: в народности.

На этот вопрос есть ответ в словах Л. Н. Толстого, когда он комментирует сам эпизод из романа «Война и мир» — «Ростовы в гостях у дядюшки».

«Дядюшка пел так, как поет народ, с тем полным и наивным убеждением, что в песне все значение заключается только в словах, что напев сам собой приходит и что отдельного напева не бывает, а что напев так только, для складу. От этого этот бессознательный напев, как бывает напев птицы, и у дядюшки был необыкновенно хорош».

Конечно, поэт не бессознательно предпочитает содержание в форме. Но верно то, что не бывает отдельно напева, мелодии от стиха, они слиты, они дополняют друг друга. В стихах композитор «слышит» мелодию, как бы открывает ее, так было и со

стихотворением «Катюша», когда Блантер «услышал», счастливо уловил мелодию стиха. Мелодия эта проста, доступна всем, в этом ее сила. Вообще форму поэзии Исаковского называют простой, традиционной. Но простота стихов Исаковского — это не сочинительство в угоду кому-либо. Это «не описание сарафана», как определял народность произведения В. Г. Белинский. Это высокое понимание души в народной песне. В стихотворении-песне «Катюша» мы рассмотрим связь с фольклором. В чем же это выражается?

Во-первых, в серьезности сюжета. Песня наполнена самыми главными истинами, составляющими смысл жизни нашего человека: любовь, служба в армии, ожидание, взаимная верность в любви, долг перед страной.

Во-вторых, «русский дух» песни, который уже чувствуется в начальных строчках. Это традиции древней русской литературы, «Слова о полку Игореве», это мотив плача Ярославны, просящей помощи у сил природы. Девушка Исаковского обращается к Солнцу, к ветру с просьбой перенести ее слова на «дальнее пограничье».

Ой, ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Фольклорные элементы очевидны и в начале стихотворения, в первом четверостишье:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Это одновременно поэтический параллелизм и экспозиция, то есть определение места, времени, героев произведения. Какая русская народная песня существует без параллелизма.

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали...

Или:

Не шуми, мати, зеленая дубравушка...

В этом столько чувства, такой настрой на радость или грусть, сколько может вместить человеческая душа.

В песенный зачин «Катюши» включены как бы три органически спаянных образа: «высокий берег» реки, «расцветали яблони и груши», «поплыли туманы над рекой». Мы, смоляне, рады узнать, где этот «берег», какой он, над какой «рекой» плывет туман. Это усиливает интерес к песне.

Взятый в отдельности каждый из образов имеет свое символическое значение: расцветающий сад — это символ весны, красоты, молодости, любви, красоты родного края; река — это сама жизнь, с ее неостановимым течением, движением; туманы — в русской народной поэзии — символ тоски, тревоги, даже зловещих сил, так оно и есть. Свидетельство Исаковского: «Дело в том, что время было все-таки тревожное. Мы как бы уже предчувствовали войну, хотя и не знали точно, когда и откуда она может прийти...

Ведь в 1938 году еще пылало пламя войны в Испании. В том же году Красная Армия вынуждена была вести тяжелые бои на востоке с японскими самураями у озера Хасан, поэтому тема Родины, тема защиты ее от посягательства врагов, тема охраны границ была самой важной, самой первостепенной, и я, конечно, никак не мог пройти мимо нее даже в лирической песне».

Фольклорные символы образуют в песнях Исаковского тот подтекст, без которого немыслимо поэтическое произведение. «Без внутреннего смысла (подтекста) стихи выглядят как бы неодухотворенными, бескрылыми, нединамичными». (М. Исаковский).

В стихотворении «Катюша» подтекст воспринимается легко, органично, так как это наша речь, наша образность, которая в сознание русского человека входит с колыбельных времен, когда он слышит: «баю-баюшки, баю». Эта образность помогает нам представить и других героев песни. Каковы эти герои?

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила
Про того, чьи письма берегла.

Постоянный эпитет «степной сизый орел» — символ мужества, верности, защитника Родины, что понятно и дорого каждому русскому человеку. Этот образ дополняет слова, выражающие тонкое, глубокое чувство: «...про того, которого любила, про того, чьи письма берегла».

Повтор слов — это тоже фольклорная примета. Повтор усиливает смысл, приковывает внимание. Удивительно тонко нарисован образ «девушки простой», Катюши. Смоленская писательница Вера Звездаева пишет: «Поразительно тонко чувствует Исаковский женское сердце. Сдается, это не только от таланта, но и от органической близости к народному творчеству, от обостренного сердечного зрения».

Для народной поэзии характерны уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах: «полюшко», «травушка-муравушка», «лазоревы цветочки» и т.д. Колорит песни заключен в представлении имени с ласкательным суффиксом «Катюша». Столько душевности, теплоты и нежности, когда слово произносится в этой огласовке.

Наконец, мы подходим к самым главным, заключительным словам.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Вот она — клятва верности в любви к женщине, к Родине, в этих словах разгадка русского характера, который так тревожил на протяжении всей истории Европу, а победа над гитлеровской Германией усилила этот вопрос.

Для нас, русских, данное утверждение единства личного и общественного бесспорно. Такова разгадка вечности этого стихотворения-песни. Наглядное подтверждение слов Л.Н. Толстого о том, что патриотизм русских — чувство врожденное, что русские рождаются с этим чувством.

Стихотворный размер «Катюши» — четырехстопный хорей, создает легкость, прозрачность стиха, в нем и заключена та музыка, которую «услышал» Блантер.

Таким образом, зачин, постоянные эпитеты, повторы и т.д. в общем контексте песни воспринимаются не как условность, дань традиции, а как естественное воплощение ее содержания.

1941 год. Начало Великой Отечественной войны, а жизнь стихотворения-песни «Катюша» продолжалась, мало того, песня выразила настроение народа, его любовь к Родине, готовность защищать ее, что привело к победе над врагом. Песня «Катюша» внесла немалый вклад в общее дело торжества страны. Об этом свидетельствуют многие факты и письма Исаковскому с фронта от бойцов и командиров.

Дорогой Михаил Васильевич!

Многие из нас находятся на фронтах Отечественной войны с первых ее дней, имеют по одному и по нескольку ранений, участвовали во многих жарких боевых схватках. Приходилось переживать трудные дни, но никто из нас никогда не падал духом. И часто причиной этого были Ваши песни.

В самом деле, какой чувствуется прилив сил, куда девается усталость после первого же куплета «Катюши», ставшей нашей любимой фронтовой походной песней. Ваша «Катюша» действительно превратилась в нашу «фронтовую подругу».

1 апреля 1943 года. По поручению бойцов и командиров: старший лейтенант Степанов, лейтенант Брагин, старшина Петров, красноармеец Горюков.

Или:

Писателю Михаилу Исаковскому

Дорогой товарищ писатель!

Мы, рядовые бойцы и сержанты подразделения офицера Быкова, шлем Вам свой боевой привет.

Письмо пишем потому, что часто поем написанные Вами песни и тепло вспоминаем автора «В прифронтовом лесу», «Катюши», «Огонька» и многих других.

Песни эти в походе, на привале, в часы досуга веселят сердце солдата. Вот за них-то, за хорошие песни, волнующие сердце воина, наше большое солдатское спасибо.

Сентябрь 1945 года. С боевым приветом
старшина А. Пименов,
сержант И. В. Сташев,
рядовой П. Зайцев,
рядовой С. Шевырев,
рядовой Хмелюк,
рядовой П. Кий,
рядовой Т. Штена.

Бывший комиссар полка Б. К. Губарев в 1947 году написал Исаковскому: «*Я видел, как читались Ваши стихи на войне, как переписывались карандашом в солдатские тетради и записные книжки. На фронте это было очень грозное оружие.*

Я никогда не забуду, как помогали мне Ваши стихи в моих, порой чересчур коротких, беседах с бойцами. Я горжусь тем, что мой любимый поэт — это любимый поэт миллионов. Я давно понял, что причина Вашей необычной силы воздействия на миллионного читателя — от профессора до школьника — в художественности Вашей поэзии».

Таких писем были сотни. Они в свою очередь вдохновляли Исаковского на создание новых произведений. Через письма писатель чувствовал связь с народом. Он убеждался в необходимости своей поэзии.

О популярности песни «Катюша» говорит тот факт, что гвардейский миномет, самое грозное оружие Второй Мировой войны, был назван ласковым словом Катюша.

История этого оружия интересна.

Одним из создателей «катюши» — миномета был наш земляк, уроженец смоленского города Велижа Иван Исидорович Гвай. Первые залпы батареи «катюш» капи-

тана И. А. Флерова прогремели в дни Смоленского сражения в 1941 году под Оршей, Рудней, Ельней, Рославлем, на реке Угре. Гитлеровцы выделили специальные части, желая рассекретить это грозное оружие. Но, к сожалению, им удалось напасть на след и окружить у села Богатырь Угранского района батарею «катюш». Но капитан Флеров взорвал все минометы, а в одной из установок он подорвался сам. Это произошло 7 октября.

Судьба распорядилась так, что последний бой первая батарея «катюш» дала на «родине» песенной Катюши. Секрет оружия был спасен, а «катюша» превратилась в оружие победы.

Бойцы советской армии любовно называли это оружие «сестрой» Катюши, слагали стихи, среди которых было много иронических: «Эх ты, «катя», «катюшка»-подружка, угощай непрошеных гостей...».

«Загляни Адольфу в волчьи очи, приголубь бандита, приласкай, пожелай ему загробной ночи и по ветру кости разметай...».

По свидетельству артистки хора имени Пятницкого М. Подлатовой, во время войны в 1941 году Исаковский и Захаров (руководитель хора имени Пятницкого) по просьбе генерала А. И. Нестеренко, командира большого соединения минометов «катюш», написали «Песню про «катюшу». Эту песню впервые исполнил хор имени Пятницкого, а потом она стала своеобразным фронтовым гимном ракетных частей:

И на море и на суше —
По дорогам фронтовым —
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым...

Немцам главный штаб прикажет,
Чтобы шли они вперед,
А «катюша» слово скажет —
Как метлою подметет.

Налетит «катюша» вихрем —
Чем ее остановить?
И задумал Гитлер «тигров»
На «катюшу» натравить.

Но такие им гостинцы
Приготовила она,
Что осталась от зверинца
Только химия одна...

Говорят и после смерти
Слышат немцы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.

И даже немцы играли на губных гармошках и пели «Катюшу». Вспоминает бывший фронтовик, офицер-разведчик 139-й Рославльской дивизии: «Случилось затишье, передышка на полном участке фронта. Бои утихли на несколько дней, окопы против окопов. И немцы каждый вечер заводили одну и ту же пластинку. Нашу «Катюшу», через усилитель. Каково было нам? Терпение лопнуло, и командир разведки вызывает: возьмем? — Возьмем!

Стали готовиться к вылазке. Пошли, конечно, добровольцы. И утащили у немцев пластинку. И уже вечером наша «Катюша», с нашей стороны полетела через нейтральную линию.

Немцы в усилитель кричат:

— Рус, верни пластинку.

— Нет, наша «Катюша», наша пластинка.

— Рус, продай, дадим шнапсу (водки).

— Нет.

И такое бывало на фронте. Запись сделана в 1983 году во время празднования 40-летия освобождения г. Рославля от фашистских захватчиков.

Песню «Катюшу» пели на фронтах, в наших партизанских бригадах и отрядах сопротивления. Метко сказал о «Катюше» Александр Прокофьев:

Впереди отрядов партизанских
Чуть не всю Италию прошла.

А по свидетельству Андрея Малышко, «Катюшу» поют и американские негры:

Выходила на берег Катюша
На Великий Тихий океан.

Выйдя на просторы планеты «Катюша» поселилась в сердцах людей всех континентов и стала паролем дружбы. К Азовскому морскому пароходству приписан теплоход «Михаил Исаковский».

Однажды теплоход причалил в одном из портов Греции. К теплоходу подошел греческий докер и спросил русского матроса:

— Кто такой Михаил Исаковский?

В ответ матрос запел «Катюшу». Грек сразу все понял. Он заулыбался, закивал головой и подхватил песню.

Вскоре все узнали, что у них гостит «автор» знаменитой «Катюши». И когда закончился рабочий день, люди не пошли домой, а собрались у причала и запели «Катюшу». К ним спустился экипаж теплохода, наши моряки подхватили песню, и образовался импровизированный концерт. Песня сблизила людей, помогла установить теплые дружеские отношения.

Вспоминает поэт Константин Ваншенкин: «Вскоре после кончины Исаковского (1973 г.) я побывал в составе делегации поэтов в Югославии. Мы ночевали в Скопье. Мой номер помещался на втором этаже. Я встал и подошел к окну, чтобы закрыть его. И тут я окончательно проснулся. За окном была стройка. Рабочие пели «Катюшу».

В очерке смоленского журналиста Анатолия Рыжикова приводится такой факт. В годы войны «Катюша» стала гимном бойцов Сопротивления. Песня звала людей к борьбе, которая закончилась полной победой над коричневой чумой фашизма.

В послевоенные годы «Катюша» напоминала народам Европы об этой героической победе, в которую решающий вклад внес Советский Союз. Но такая память кое-кого не устраивала. И вот на Западе появился и получил шумный успех танец «Казачок». В его основу положена мелодия песни «Катюша». Но сходство этого танца с песней только внешнее. У него другой ритм и другое назначение — чисто развлекательное. Это китч-безвкусная безделушка «массовой культуры». Но эта безделушка, усиленно культивируемая на Западе, была сделана с дальним прицелом. Авторы танца, эксплуатируя всемирно известную мелодию, путем ее искусной аранжировки ставили целью размыть первоначальное содержание песни, затмить ее и таким образом заставить забыть подлинную «Катюшу».

Но эта попытка не удалась. Шумный успех танца «Казачок» пошел на спад. А песня «Катюша» продолжает жить своей неповторимой жизнью. Несмотря на «воз-

раст», она не утратила ни своей популярности, ни своей притягательной силы. Во время празднования 56-ой годовщины Победы над фашистской Германией радио и телевидение вело передачи о праздновании и, конечно, звучали песни на слова Исаковского, песни времен Отечественной войны. Я считаю, апофеозом праздника было исполнение песни «Катюша», это был заключительный номер концерта, когда все участники вышли на сцену, а солисткой была шестилетняя девочка. Чистым, звонким голосом она запевала, а все остальные артисты вместе со зрителями подхватывали и пели. Это было общее веселье, это было выражение радости, единения людей. И стало понятно, что жить этой песне века, потому что ее приняло самое младшее поколение в нашей стране. Лично я был в восторге от этого номера.

Жизнь песни увековечена в памятнике, поставленном на высоком берегу Угры в поселке Всходы. И этой песней стала «Катюша». История памятника уникальна и интересна.

В начале 80-х годов двое ответственных работников Угранского района, директор совхоза «Прогресс» В. Н. Невзоров и директор местного леспромхоза Н. П. Михайлюков, встретились на берегу Угры, на том месте, где еще до войны была поставлена беседка, и лежал большой плоский камень. Встретились не случайно. Они обсуждали проект памятника песни «Катюша», так как в народе это место, любимое молодежью, было связано с именем девушки Катюши, героиней песни Исаковского. Набросали проект, за дело принялись всем народом. Совхозные механизаторы из деревни Дракино бульдозерами притащили самый большой во всей округе многотонный валун, который поставили на старый камень, вросший в землю. Студенческий строительный отряд, работавший в то время в совхозе, вызвался оборудовать площадку. Вскоре на камне появилась медная чеканная табличка с надписью:

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой

М. Исаковский

Так летом 1983 года начал свою официальную жизнь памятник песне «Катюша», поставленный по велению сердца земляками поэта.

Летом в поселке Всходы открылся музей песни «Катюша». В его создании принимали участие многие люди Смоленщины, поселка, всей страны. **Другого такого музея нет ни в России, ни в ближнем, ни в дальнем зарубежье.** Разместился музей в Доме культуры, построенном на средства Исаковского. Получив в 1943 году первую Государственную премию за стихи и песни, Михаил Васильевич передал ее району на строительство ДК. Первый и третий залы посвящены творчеству Исаковского.

Второй зал музея посвящен песне «Катюша». В музее есть магнитофонная запись рассказа композитора Блантера о первом исполнении песни «Катюша», после которого «Катюшу» запела вся страна. Экспозиция яркая, интересная. В 2000 году музей собрал много гостей из Москвы, из разных городов России и Мира. Представительной была делегация из Китая, где эта песня пользуется большой популярностью. На празднике во Всходах она была исполнена и на китайском, и на русском языках. Желающих посетить музей песни «Катюша» очень много.

У нас, смолян, особая причина испытывать гордость за творчество М. В. Исаковского, что героиня судьбоносной песни «Катюша» — смолянка, что малая родина дала поэту «свои думы, свои напевы, свои слова, свои краски», как сказал сам поэт.

Самая большая награда поэту, когда люди назовут его творение народным. В связи с этим хочется привести слова А. Т. Твардовского: «Такова уж судьба песенного жанра — наиболее удачная песня... всегда как бы стремится оторваться от своего

автора, утратить эту свою принадлежность и приобрести несравненно большую, а именно — стать тем, что мы называем народной песней». А песне «Катюша» жить еще многие-многие годы, чтоб для новых поколений она была живым родником мудрости, простоты, верности в любви, в причастности каждого человека к великому слову Родина — Россия.

Валентина Батищева — первая исполнительница песни «Катюша».